

тивным обстоятельством – после появления концепции А.Б. Лакиера вопрос о познавательных возможностях геральдики казался исчерпанным. Потребовалось время, чтобы потребность в осмыслении геральдического материала возникла вновь.

В течение второй половины XIX в. был накоплен значительный массив конкретной информации, сложился основной методический инструментарий дисциплины и приемы анализа геральдических источников. Оказалась преодолена хаотичность, свойственная исследованиям XVIII – первой половине XIX в., возникла преемственность работ, наметилась основная проблематика. К началу XX в. геральдика окончательно выделилась из состава археологии.

Отечественное гербоведение второй половины XIX в. стало обретать системность, свойственную любому научному знанию. Оно развивалось в рамках позитивистской методологии, которая обусловила фактологичность изысканий, ориентацию на источниковедение, стремление к систематизации и упорядочению информации, приоритетное внимание к созданию эвристической структуры. Позитивизм русской научной геральдики был закономерен и неизбежен. На определенном этапе он имел положительное значение и составлял ту ступень познания гербов, без которой не смогли бы в дальнейшем развиваться альтернативные методологические подходы (прежде всего – элементы структурализма).

Научная геральдика развивалась в тесной связи с существовавшими в России направлениями исторической мысли. Трактовка проблем дисциплинарного познания, понимание сути и социальных функций герба, роли власти в процессе герботворчества полностью соответствовали идеям дворянской историографии, официальной концепции прошлого России.

§ 3. Источниковедческая магистраль: научная геральдика в 1908–1917 гг.

В конце первого десятилетия XX в. русская научная геральдика вступила в период фундаментальных качественных изменений. Они реализовывались многообразно: в резком росте количества исследований, совершенствовании методики, попытках создания полной эвристической системы, поиске новых познавательных подходов к геральдическим источникам. Все это было теснейшим об-

разом связано с формированием источниковедческой парадигмы в методологии науки, с расширением границ и углублением содержания знания о прошлом, требовавшими четкого определения роли и места специальных дисциплин в процессе постижения исторической реальности.

Рубежным событием стало включение геральдики как самостоятельного предмета в программу профессиональной подготовки историков и архивистов. Это произошло в 1907 г., когда в только что созданный Московский археологический институт⁶³⁸ был приглашен известный историк и музейвед, хранитель Оружейной палаты Ю.В. Арсеньев. При его назначении директор института А.И. Успенский подчеркивал, что «привлечение Ю.В. Арсеньева в число преподавателей [...] весьма желательно для пользы дела, тем более что других специалистов по геральдике в Москве мне неизвестно»⁶³⁹. Выбор оказался хотя и случайным, но, безусловно, удачным. Ю.В. Арсеньев обладал значительным опытом изучения экспонатов Оружейной палаты, в том числе – хранимых им коллекций западного оружия, на котором имелись многочисленные изображения гербов, и русских знамен, дававших богатый, часто уникальный материал для анализа символики и генезиса отечественного геральдического пространства.

Потребность в преподавании свидетельствует о том, что научная геральдика к концу 1900-х гг. достигла определенного уровня развития. Однако он, все-таки, оказался недостаточным для создания курса, основанного на исключительно русском материале, поскольку дисциплинарная историография была скудной, систематических исследований архивных материалов не велось, а многие источники оставались для специалистов недоступными и неизвестными. С другой стороны, обратись Ю.В. Арсеньев к отечественному опыту, он был бы обречен на повторение единственного крупного труда в этой области – книги А.Б. Лакиера. Не желая пересказывать чужие работы, Ю.В. Арсеньев посвятил лекции европейской геральдике. Они основаны на изучении, обобщении и творческом

⁶³⁸ Примечательно, что в Археологическом институте в Санкт-Петербурге геральдика не преподавалась до 1913 г. и была введена в программу по просьбе В.К. Лукомского в качестве факультативного, а не обязательного, как в Москве, курса.

⁶³⁹ ГБУ «ЦГА Москвы» ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 25 об.

осмыслении обширного пласта западной, в первую очередь немецкой и французской, историографии⁶⁴⁰. В определенной степени они, конечно, компилятивны, но их ни в коем случае нельзя назвать механическим объединением выдержек из различных работ⁶⁴¹. Активно относясь к эмпирическому материалу и методическим моделям Западной Европы, обладая личным опытом работы с вещественными и письменными памятниками, Ю.В. Арсеньев предложил собственное, авторское понимание основных проблем геральдики.

Лекции были изданы в 1908 г.⁶⁴², став первым и на долгое время единственным в России учебным пособием по дисциплине. Они содержали систематическое изложение взглядов Ю.В. Арсеньева⁶⁴³, его культурологической концепции геральдики⁶⁴⁴.

Основное положение теории состояло в том, что герб есть не только социальное явление, но, одновременно, и реальный элемент

⁶⁴⁰ В отличие от предыдущей историографической традиции Ю.В. Арсеньев не ориентировался только на французский или немецкий опыт, всегда предпочитая компаративный анализ и обзор альтернативных мнений даже по второстепенным вопросам.

⁶⁴¹ Сохранились подготовительные материалы к лекциям (РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 645. – Л. 1; ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 25. – Л. 1–10, 15–16, 18, 25–52; ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 365. – Л. 6–177); среди них выписки из более чем 40 исследований, сделанных как на иностранных языках, так и в переводе на русский. Ю.В. Арсеньев проявлял большую настойчивость в поиске редких изданий в государственных и частных библиотеках. Сохранился список книг по геральдике из библиотеки князей Голицыных (родственников историка по жене), среди которых, например, указаны труды основателя гербоведения, французского иезуита К.-Ф. Менестрие (ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 25. – Л. 53). Значительную помощь в подборе литературы оказал брат, дипломат С.В. Арсеньев, через которого заказывались редкие издания у антикваров Гамбурга и Лейпцига (Там же. – Д. 20. – Л. 113–116). Широко использовались отечественные работы по специальным историческим дисциплинам (П.П. фон Винклера, А.Б. Лакиера, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.П. Лихачева, А.В. Орешникова, П.Н. Петрова), публикации источников, сфрагистические альбомы. Подробнее об источниках лекций Ю.В. Арсеньева см.: *Наумов О.Н.* Юрий Васильевич Арсеньев и его лекции по геральдике // *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. – С. 345–347.

⁶⁴² *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч.

⁶⁴³ Н.П. Лихачев достоинством лекций Ю.В. Арсеньева считал «систематическую равномерность хорошо обработанных очерков, дающих, в общем, полное изложение предмета» (ИРГО. – 1909. – Вып. 3. – С. 366).

⁶⁴⁴ Отдельные положения концепции повторялись в вексиллологических исследованиях Ю.В. Арсеньева (*Арсеньев Ю.В.* Несколько дополнительных замечаний по вопросу о морских национальных флагах // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 4. – С. 238–247; *Он же.* О геральдических знаменах... – С. 129–167), а также в работах других авторов (*Черепнин В.А.* Геральдика. – Стлб. 349).

культуры общества. Ю.В. Арсеньев видел в нем результат бытия средневековой цивилизации и христианской идеологии. Соответственно определялись пространственные и временные границы явления. Не отрицая связи с символами ранних эпох, геральдист четко отделял их от настоящих гербов, сложившихся только в Средневековье. Единственным топосом геральдики, по его справедливому мнению, является Европа.

Особенно подчеркивалась в концепции связь генезиса геральдики с историей дворянства⁶⁴⁵. Возникновение гербов было предопределено рыцарством: его крестовыми походами, его турнирами. Герб являлся специфической чертой рыцарского образа жизни и быта, со временем получившей более широкое распространение. Он был способом отображения внутреннего мира средневекового человека и его взаимоотношений с социумом. Ю.В. Арсеньев неоднократно называл герб «символическим, образным языком эпохи»⁶⁴⁶, подчеркивал его информационную функцию и возможность выражения через него широкого спектра идей.

Опираясь на этот теоретический тезис, историк уверенно истолковывал геральдику как часть культуры, как неотъемлемый компонент «культурной истории», как «культурное явление»⁶⁴⁷. Это понимание так четко высказалось в отечественной историографии впервые и имело серьезные методологические последствия. Генезис и эволюция геральдики декларировались Ю.В. Арсеньевым как сложный многоплановый процесс, культурологический по сути. Такой постулат приводил ученого к неожиданным для него самого выводам. Вполне справедливо считая геральдику явлением европейским, он не мог игнорировать влияние на нее восточной культуры, которое выражалось и в заимствовании конкретных символов, и в этимологии терминов. Фактически историк отклонился от заявленного европоцентризма, представив геральдику как результат синтеза различных культур.

Иначе, чем прежде, решался вопрос о национальной специфике геральдических традиций. Последовательно их выделяя⁶⁴⁸, Ю.В. Ар-

⁶⁴⁵ Арсеньев Ю.В. Геральдика. – С. 55.

⁶⁴⁶ Там же. – С. 38.

⁶⁴⁷ Там же. – С. 12, 238–247; *Он же*. О геральдических знаменах... – С. 129.

⁶⁴⁸ «Национальный характер гербов, отражающий в себе общее мировоззрение, направление художественного вкуса и глубоко вкоренившиеся особенности каждого

сеньев одновременно указывал на сопредельные территории, гербы которых сочетали черты, свойственные различным странам. Например, он писал, что «львы и леопарды преобладают в гербах Гюйенна, Нормандии и Пикардии, в чем отразилось временное владычество Англии над этими [французскими. О.Н.] провинциями»⁶⁴⁹. Допущение национальных вариаций позволило Ю.В. Арсеньеву по-новому интерпретировать вопрос о характере русской геральдики. Подчеркивалось ее типологическое сходство с европейским опытом.

В контексте данной методологической посылки Ю.В. Арсеньев трактовал теорию о существовании на Руси «первобытной геральдики». Констатируя недостаток источников, он находил версию о ее существовании хотя и интересной, но «темной и спорной»⁶⁵⁰. Ю.В. Арсеньев признавал существование на Руси «первобытной геральдики» «в виде особых знаков для узнавания друг друга в бою, а также для обозначения разных видов собственности», бытовавших «издавна и у нас, и у других народов Востока и Запада»⁶⁵¹. Причины, по которым подобные элементы не сложились в какую-либо своеобразную геральдику, заключались, по мнению Ю.В. Арсеньева, в особой религиозности всех сфер древнерусского общества, в том числе искусства. В целом, отношение к гербу как явлению культурологического статуса часто ведет к неоправданному расширению границ геральдики, поэтому определенная двойственность в построениях Ю.В. Арсеньева была предопределена методологически.

Однако историк четко разделял «первобытную» и европейскую геральдику. Русскую геральдику Ю.В. Арсеньев признавал явлением, заимствованным с Запада, и категорически отказывался поддержать выводы А.Б. Лакиера о ее древности и исключительности. Отечественные гербы признавались безусловной частью европейского процесса герботворчества, а их специфика расценивалась как допустимая норма. Доказывая эту идею, Ю.В. Арсеньев обращался параллельно к примерам из европейского и русского опыта. Особенно показательным оказался такой метод в главах, посвященных формальным правилам. Описание каждой разновидности

народа, сохранился в геральдике и до настоящего времени» (Арсеньев Ю.В. Геральдика. – С. 286).

⁶⁴⁹ Там же. – С. 287.

⁶⁵⁰ Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах... – С. 143.

⁶⁵¹ Арсеньев Ю.В. Геральдика. – С. 308.

гербов, эмблем или элементов Ю.В. Арсеньев сопровождал примерами из отечественного геральдического пространства, подчеркивая единство визуальных принципов их построения с западными. Для него именно формальные основы имели первенствующее значение для идентификации, поскольку мыслились как сложная, логически построенная, иерархическая система, органически присущая геральдике как явлению⁶⁵². В работах по вексиллологии он подчеркивал приемлемость для России принципа соответствия цветов государственного герба и государственного флага, делая прагматический вывод о конкретном виде последнего⁶⁵³.

Европейское геральдическое пространство Ю.В. Арсеньев признавал поливариантным, но единым. Его изучение позиционировалось как актуальная научная задача. Тезис о геральдике как части истории культуры и, следовательно, жизни социума помог подвергнуть последовательной критике познавательный нигилизм, от которого Ю.В. Арсеньев, как и А.Б. Лакиер, отталкивался в начале лекций как исходного тезиса курса⁶⁵⁴. Культурологическая концепция делала сомнения в перспективности геральдического познания бессмысленными. «Изучение гербов и печатей, составляя часть культурной истории, не может быть мало важным, а тем более бесполезным», – прямо заявлял Ю.В. Арсеньев⁶⁵⁵. Аналогично решался вопрос о научной ценности русских гербов: несмотря на хронологическую новизну, они также относятся к сфере культуры и потому достойны всестороннего анализа⁶⁵⁶. В контексте таких аксиологических посылок геральдика обретала статус самостоятельной дисциплины, необходимого для познания истории, археологии, искусства⁶⁵⁷. Особо подчеркивал Ю.В. Арсеньев связь геральдики со сфрагистикой (хотя и последовательно разграничивая эти дисциплины по временам и местам бытования)⁶⁵⁸, дипломатикой и палеографией.

⁶⁵² Там же. – С. 104. «Геральдика есть также своего рода символический международный язык, так как во всех странах, где она существует, мы встречаем в ней одни и те же фигуры и эмблемы, передающие из рода в род высокие понятия религии, рыцарской чести и любви к родине».

⁶⁵³ Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах... – С. 162–163.

⁶⁵⁴ Арсеньев Ю.В. Геральдика. – С. 11.

⁶⁵⁵ Там же. – С. 12.

⁶⁵⁶ Там же. – С. 290.

⁶⁵⁷ Там же. – С. 101–102.

⁶⁵⁸ Там же. – С. 12.

В культурологической концепции критерий научности геральдического познания существенно модифицировался. Если в предыдущей историографии он ассоциировался преимущественно с формальными аспектами, то теперь – с критическим осмыслением источников, с исторической обоснованностью, целостностью модели познания (в этом положении Ю.В. Арсеньев опирался на мнение немецкого геральдиста XIX в. Х. Бернда)⁶⁵⁹.

Ориентация на совершенствование теоретических основ дисциплины отодвинула методические, источниковедческие проблемы на второй план, хотя они не игнорировались полностью. В частности, Ю.В. Арсеньев предложил систематизацию источников европейской геральдики⁶⁶⁰: 1) печати и монеты; 2) надгробные памятники; 3) дворянские грамоты (дипломы), ленные записи, описания турниров; 4) гербовые столбцы, гербовники и родословные книги; 5) оружие; 6) нарративные источники. Традиционно объединяя в единой систематизации вещественные и письменные памятники, геральдист указал на приоритетное значение нумизматических и сфрагистических памятников. Оно, по признанию автора, обусловлено возможностью точных датировок по упоминаниям эмитентов (для монет) и владельцев (для печатей). Применительно к русской геральдике спектр источников был впервые дополнен знаменами и тамгами.

Источниковедческий дискурс стал одной из предпосылок генезиса метода гербовой экспертизы. В историографии его создателем в России считается В.К. Лукомский⁶⁶¹. Однако почти одновременно и независимо от него (результаты первых опытов В.К. Лукомского не были еще опубликованы) принадлежность вещественных памятников по изображенным на них гербам определял Ю.В. Арсеньев, которому приходилось неоднократно сталкиваться с подобной необходимостью в музейной работе. Он, например, установил национальную принадлежность пушек, оставшихся в Московском Кремле после наполеоновских войск⁶⁶².

⁶⁵⁹ Там же. – С. 103.

⁶⁶⁰ Там же. – С. 121–122.

⁶⁶¹ Каменцева Е.И. Научная деятельность В.К. Лукомского... – С. 355–356.

⁶⁶² [Арсеньев Ю.В.] Вступительная лекция по геральдике, прочитанная в Витебском отделении Московского археологического института // Витебские губернские ведомости. – 1911. – 26 ноября. – № 262. – С. 2–3; *Он же*. Вступительная лекция по геральдике, прочитанная в Витебском отделении Московского археологического института. – Витебск, 1911. – С. 10; *Он же*. Геральдика. – С. 333. Попытки атрибутиро-

Хотя лекции Ю.В. Арсеньева прямо не касались задач практического герботворчества, в их тексте отразилось стремление к совершенствованию и идентификации русской геральдики. Первое проявилось в желании модифицировать понятийно-терминологический аппарат дисциплины, второе – в рекомендациях и практических задачах, которые были сформулированы⁶⁶³. Исправление допущенных ранее в гербах ошибок, «безвкусия», выработка хотя и согласованных «с общепринятыми геральдическими правилами», но самобытных черт (введение родовых знаков, тамг и фигур, заимствованных из культуры, военного и гражданского быта, священных изображений)⁶⁶⁴ – вот меры, которые предлагал Ю.В. Арсеньев, чтобы придать русской геральдике оригинальный, более национально обоснованный характер. Они должны были способствовать идентификации геральдики как явления, ориентированного на русскую культуру.

Ю.В. Арсеньев строго различал гербы и геральдическое знание, уделив последнему целенаправленное внимание. Под этим знанием он понимал те представления о гербах, которые господствовали в определенную эпоху как в практическом, так и в научном отношениях⁶⁶⁵.

Концепция Ю.В. Арсеньева, зафиксированная в печатном тексте лекций, не являлась окончательной, она постоянно эволюционировала. Историк продолжал работать над ней до конца преподавательской карьеры, как минимум до осени 1918 г. За этот период его культурологическая концепция была дополнена несколькими принципиальными уточнениями. В 1911 г. он предложил идею о необходимости дифференцированного подхода к русским гербам. Ее суть состояла в том, что только некоторые из них, будучи продуктом канцелярской геральдики, малоценны в познавательном отношении, но другие – важные исторические источники, вполне пригодные для изучения прошлого во всем его многообразии. Интерес

вать предметы по гербам предпринимали и другие исследователи. Например, нумизмат К.В. Болсуновский писал, что на основании гербов можно определить «не только эпоху возникновения памятника, но и историческое лицо, коему таковой принадлежал» (Болсуновский К.В. Указ. соч. – Вып. 2. – Киев, 1908. – С. 1).

⁶⁶³ Арсеньев Ю.В. Геральдика. – С. 170.

⁶⁶⁴ Там же. – С. 324–325.

⁶⁶⁵ Там же. – С. 39.

Ю.В. Арсеньева к вексиллологическим памятникам обусловил другое, не менее существенное дополнение: сформулированную около 1915 г. гипотезу о связи между генезисом западноевропейских гербов и символическими изображениями на знаменах. По мнению историка, первые гербы представляли собой «просто военные знаменные изображения»⁶⁶⁶. Хотя утверждение было чрезвычайно полемичным, поскольку и в западной, и в русской историографии преобладала теория о происхождении гербов от украшений на рыцарских щитах, его появление симптоматично. Старое объяснение уже не удовлетворяло гербоведение, требовалось новое, объективное осмысление генезиса гербов.

Немаловажно, что культурологическая концепция излагалась в учебном курсе, поэтому ее значение для отечественной науки не исчерпывалось только историографическим влиянием. Лекции Ю.В. Арсеньева способствовали развитию методики преподавания геральдики⁶⁶⁷. Кроме того, их слушали несколько лиц, в дальнейших последовательно интересовавшихся гербами: библиограф и исследователь экслибрисов У.Г. Иваск, знаменовед П.И. Белавенец, краевед В.П. Лапчинский⁶⁶⁸, на которого воздействие концепции было особенно сильным⁶⁶⁹. Курс Ю.В. Арсеньева стимулировал появле-

⁶⁶⁶ РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 642. – Л. 34.

⁶⁶⁷ Дважды публиковалась программа курса Ю.В. Арсеньева (Отчет о состоянии Московского археологического института за 1908–09 академический год. – М., [1910]. – Отд. 2. – С. 39–41; Программы лекций, читаемых в Московском археологическом институте. Курс I (1912–1913). – М., 1913. – С. 45–48). В 1913 г. Ю.В. Арсеньев выступил с предложением дополнить лекции семинарскими занятиями, поскольку «это дало бы возможность ознакомить слушателей с практической частью геральдики и дало бы им навык разбираться в гербах через рассмотрение и разбор таковых в специальных изданиях» (ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 364. – Л. 2). Тогда инициатива не была реализована, но в советский период дополнили свои курсы семинарами В.К. Лукомский и Н.П. Чулков.

⁶⁶⁸ ОР РГБ. – Ф. 783. – К. 2. – Д. 5. – Л. 3–7; Ф. 434. – К. 2. – Д. 7. – Л. 3–4; ЦГА Москвы. – ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 2. – Д. 79. – Л. 3 об.

⁶⁶⁹ В рецензии на его выпускное сочинение в Московском археологическом институте, посвященное взаимодействию польской и русской родовой геральдики, Ю.В. Арсеньев подчеркивал: «Представленное В.П. Лапчинским на степень ученого археолога рассуждение по геральдике представляет, по моему мнению, весьма добросовестную работу, освещающую один из интересных вопросов нашей русской геральдики...» (ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 25. – Л. 327–327 об. См.: *Наумов О.Н.* Указ. соч. – С. 351). В 1913 г. В.П. Лапчинский начал преподавать геральдику в Смоленском отделении Московского археологического института.

ние специалистов в области геральдики и способствовал повышению общего уровня знаний о гербах среди историков и архивистов.

Культурологическую концепцию поддерживали другие исследователи, в частности В.А. Черепнин, прямо называвший геральдику дисциплиной, «изучающей определенный отдел истории культуры»⁶⁷⁰.

Концепция Ю.В. Арсеньева стала первой обстоятельной попыткой подвести серьезный теоретический фундамент под отечественную геральдику, отказаться от некоторых историографических стереотипов, переместить геральдическое знание исключительно в плоскость научного. Несмотря на позитивистскую методологию, учение Ю.В. Арсеньева, содержало элементы иных принципов осмысления геральдики. В нем намечался феноменологический подход, опиравшийся на понимание герба как феномена культуры, на выделение взаимоотношений неких общих, объективных и частных, субъективных компонентов. Полиметодологичность, сочетаясь с возможностью пропаганды предлагавшихся трактовок, придавала концепции весьма привлекательный вид и открывала широкие перспективы. К сожалению, последователи редко обращали внимание в учении на самое ценное – методологическую новизну, используя, в первую очередь, только конкретную информацию или формальные правила.

Одновременно с теорией Ю.В. Арсеньева в русском гербоведении формировалось другое концептуальное построение. Поскольку оно опиралось на учение о гербе как историческом источнике, его можно определить как источниковедческое. Генезис этой концепции был связан, прежде всего, с исследованиями управляющего Гербовым отделением Департамента Герольдии В.К. Лукомского и, в несколько меньшей степени, с работами сотрудника, а в 1918–1927 гг. директора Государственного Эрмитажа С.Н. Тройницкого. Существенный вклад в ее становление внес известный медиевист, член-корреспондент АН СССР Д.Н. Егоров.

Генезис источниковедческой концепции стимулировали несколько факторов. В конце XIX – начале XX в. активно развивалось общее источниковедение, формулировались новые трактовки понятия «исторический источник», расширялись границы источни-

⁶⁷⁰ Черепнин В.А. Указ. соч. – Стлб. 349.

коведческого исследования, совершенствовалась методика критического анализа. Многие из этих процессов были связаны с именем А.С. Лаппо-Данилевского⁶⁷¹, с петербургской исторической школой в целом⁶⁷². Теоретические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского и Н.П. Лихачева оказали прямое влияние на научное творчество В.К. Лукомского и, таким образом, способствовали формированию в русской научной геральдике источниковедческой концепции.

Она основывалась на признании герба своеобразным, но полноценным историческим источником, который отражает действительность и, следовательно, несет многообразную информацию о прошлом. В соответствии с этим тезисом герб мог быть объектом источниковедческого анализа, то есть внешней и внутренней критики. В историографии 1910-х гг. осознавалась двоякая возможность исследования: в первом случае объектом познания выступал сам герб, во втором – связь конкретного изображения с носителем, понимавшаяся как информационный диалог.

Внешняя критика решала традиционный круг проблем и состояла в установлении обстоятельств создания, авторства, времени возникновения конкретного герба (или его варианта), в выявлении, систематизации и объяснении генезиса разновидностей изображения. Для этого широко использовались эволюционный и сравнительный методы анализа⁶⁷³. Во многих случаях они применялись параллельно и во взаимодействии. Эволюционное исследование позволяло проследить не только иконографические, но и семантические модифи-

⁶⁷¹ В одной из работ А.С. Лаппо-Данилевский высказал суждения, свидетельствующие о глубоких знаниях по геральдике и о четкости понятийных представлений. См.: *Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси.* – СПб., 1907.

⁶⁷² На такую связь указывали А.И. Андреев и Л.В. Черепнин в докладах 1946 г., посвященных памяти В.К. Лукомского (Стенограмма заседания Ученого совета Историко-архивного института, посвященного памяти В.К. Лукомского. – С. 115–116, 125–126).

⁶⁷³ Новую методику сравнительного анализа использовал В.К. Лукомский при изучении герба Ганнибалов (*Лукомский В.К. Печать с гербом Ганнибала, арапа Петра Великого // Русский библиофил.* – 1911. – № 8. – С. 99). Он совместил в едином описании два блазонных текста, что давало более точное и наглядное представление об иконографических различиях: «В серебряном щите (на родословной: в голубом круглом поле) слон, шествующий вправо (на родословной: влево), покрытый ковром (красным) и короною (золотою) [...]».

кации герба. Классической работой подобного рода стала брошюра С.Н. Тройницкого, в которой описано и объяснено возникновение 9 вариантов герба князей Голицыных⁶⁷⁴. Такие позитивистские изыскания получили довольно широкое распространение и могли давать весьма ценные результаты. Так, барон А.Е. Фелькерзам, опираясь на сравнительный анализ, смог установить подложность герба архиепископа охридского и доказать, что его составил немец из Австрии или южной Германии, живший в конце XVII или в XVIII в.⁶⁷⁵

Внутренняя критика понималась преимущественно как изучение семантики эмблем с последующим анализом полученной информации и использованием ее для уточнения генеалогических, биографических, культурологических и иных сюжетов. Геральдические данные изучались комплексно, сопоставлялись с письменными источниками. Приоритетной проблемой стало определение степени достоверности герба, понимавшееся как обоснованность использования конкретных эмблем. С.Н. Тройницкий установил, например, что казанская эмблема (коронованный змей) в гербе князей Прозоровских использована ошибочно, вместо астраханской, которая должна была указывать на заслуги рода в борьбе со Степаном Разиным⁶⁷⁶. В.К. Лукомский доказал⁶⁷⁷, что загадочные фигуры в гербе Милорадовичей представляют собой неверно истолкованный в России старый сербский герб их предков, фигуры которого получили в русской геральдике романтическое толкование и интерпретировались как указание на воинские подвиги членов рода. Определение степени достоверности прямо связывалось с решением культурологических проблем, с изучением мистификации геральдического знания. Конечной целью источниковедческих исследований виделось достижение точного и истинного представления о прошлом. Как писал В.Е. Белинский, «область» гербоведения составляет «отделение сказочного, вымышленного от документального материала»⁶⁷⁸.

⁶⁷⁴ Тройницкий С.Н. Заметка о гербах князей Голицыных. – СПб., 1910.

⁶⁷⁵ Фелькерзам А.Е. бар. О гербе архиепископа охридского // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 64.

⁶⁷⁶ Тройницкий С.Н. О гербе князей Прозоровских // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 51.

⁶⁷⁷ Лукомский В.К. Что скрыто под замком в гербе Милорадовичей // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 39–44.

⁶⁷⁸ Белинский В.Е. Древние и новейшие девизы // Столица и усадьба. – 1916. – № 69. – С. 13.

В начале XX в. геральдисты занимались преимущественно изучением конкретных гербов, практически не уделяя внимания анализу общих проблем. Теоретическое осмысление сущности источниковедческой анализа гербов выполнил Д.Н. Егоров. В фундаментальной монографии о колонизации Мекленбурга в XIII в. он не только широко использовал гербы для решения конкретных задач, но в специальном разделе⁶⁷⁹ изложил свое понимание источниковедческих аспектов геральдики. Он оценивал гербовый материал как «крупный и надежный исторический источник», который в отдельных ситуациях имеет даже «первоклассное значение»⁶⁸⁰. Для того, чтобы гербы можно было использовать в качестве источников, требуется осуществить специфическую исследовательскую работу по установлению их первоначальных вариантов (своеобразных протографов), которые являются наиболее перспективными в источниковедческом отношении и отличаются «крайней точностью». Д.Н. Егоров противопоставлял ценные для познания прошлого памятники эпохи гербообразования искаженным изображениям, которые сложились позже, в период вторжения «теории и теоретизирования», характеризующихся «оторванностью от действительных потребностей, наступлением гербовой схоластики и даже своеобразной гербовой метафизики»⁶⁸¹. Поздним гербам в историческом значении медиевист отказывал.

Д.Н. Егоров поддержал традиционное мнение о том, что главными функциями герба с момента возникновения были различительная и опознавательная⁶⁸², но делал из него принципиально новые выводы. Он отошел от господствовавшей в европейской историографии идеи о неизменности герба, обусловленной необходимостью инвариантного опознавания, и глубокой обусловленности всех иконографических модификаций. Историк отстаивал про-

⁶⁷⁹ Егоров Д.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 374–446. В 1930 г. труд был переиздан на немецком языке: *Die Kolonisation Mecklenburgs im 13 Jahrhundert.* – Breslau, 1930. – Bd. 1–2. Недавно геральдический раздел труда Д.Н. Егорова напечатан заново и на русском языке, см.: Егоров Д.Н. Материал геральдический // *Signum.* – Вып. 4. – М., 2009. – С. 19–95. Поскольку публикация выполнена не совсем исправно, ссылки далее приводятся по первому изданию.

⁶⁸⁰ Егоров Д.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 375.

⁶⁸¹ Там же. – С. 377.

⁶⁸² Там же. – С. 403.

тивоположный тезис – о постоянной визуальной динамике, в контексте которого «громадное значение» приобретает изучение не какого-либо статичного гербового изображения, а всевозможных его вариантов, воспринимавшихся в предшествующей литературе как простые «искажения». Д.Н. Егоров доказывал, что инвариантность характерна только для общего контура, но «всякие мелочи, всякие некрупные добавления или изменения фактически не могли играть никакой роли, так как не запечатлевались при рассмотрении издадека»⁶⁸³.

Исследователь отметил виды возможных «искажений герба»⁶⁸⁴, разделив их на «технические ошибки», которые могли возникать при копировании нечеткого изображения (изменение правой стороны на левую и наоборот, изменение положения эмблем в щите, замена одних фигур неверно понятыми другими), и «попытки творчества», когда герб модифицировался сознательно, для придания ему большей изящности и эстетической красоты (дополнение декоративными изображениями, заполнение пустых полей, замена прямых линий изогнутыми, увеличение количества фигур, замена фигур и их положений в щите, изображение вместо целой фигуры ее части и др.). В процессе изменения герба Д.Н. Егоров различал эволюцию, когда изображение модифицировалось постепенно, и мутацию, под которой понимал резкую, внезапную замену «прежней эмблемы новой, но явно с ней мало сходной». Последний тип модификации создавал для исследователя ряд серьезных проблем, поскольку ни их причины, ни время часто неизвестны, а промежуточные стадии, как правило, не сохранились. Тем не менее, геральдические мутации познаваемы, поскольку, несмотря на всю динамику гербов, «была граница, был точно осознанный предел и для средневековой геральдической иррегулярности»⁶⁸⁵.

Пределом этим, по мнению Д.Н. Егорова, было сохранение некоего ядра, т. е. «сохранность самой фигуры в качестве неизменного и незаменимого геральдического иероглифа [символа. О.Н.]», осознававшегося как нечто отличное и единое. Медиевист отождествлял сущность герба с гербовой эмблемой, представляющей собой

⁶⁸³ Там же. – С. 404.

⁶⁸⁴ Там же. – С. 408–422.

⁶⁸⁵ Там же. – С. 426.

определенный эмблематический (гербовый) тип, инвариантный, незаменимый, несущий основное семантическое (как он называл, иероглифическое) значение⁶⁸⁶. Именно гербовый тип трактовался как основной предмет источниковедческого анализа. Обычно конкретные типы локализовались пространственно, каждый из них соответствовал «определенной гербовой округе». Выявить их можно путем сравнительного анализа территориально или национально ограниченной совокупности гербов.

Свои теоретические идеи Д.Н. Егоров блестяще реализовал на практике. Ему удалось выявить протографы многих мекленбургских родовых гербов, установить гербовые типы и локализовать их. Предложенная модель исследования оказалась не только строго научной, но и помогла получить ценную информацию, которая компенсировала разрозненность или отсутствие других видов источников, позволила сделать вывод об особенностях германской колонизации региона.

Наряду с эволюционным и сравнительным методами Д.Н. Егоров часто применял статистический, реализовывавшийся в подсчетах частотности использования эмблем в отдельных регионах Германии⁶⁸⁷. Подобный прием придавал теоретическим построениям еще большую убедительность и точность, достижение которых служило для ученого конечной целью источниковедческого осмысления геральдического знания.

Исследование Д.Н. Егорова имело для отечественной научной геральдики принципиальное теоретическое значение. Была убедительно доказана самостоятельность герба как исторического источника. Его познавательная функция виделась в том, чтобы предоставлять такую информацию о прошлом, которую другие источники дать не могут. Такое понимание открывало новые возможности для изучения прошлой реальности и было высшей точкой, достигнутой в области дисциплинарного источниковедения.

Несмотря на то, что исследование касалось немецкой геральдики, предложенная Д.Н. Егоровым методическая модель носила универсальный характер и в основных положениях ее можно применить к русскому геральдическому пространству. Конкретные источник-

⁶⁸⁶ Там же. – С. 377, 426.

⁶⁸⁷ Там же. – С. 390, 429, 433, 435, 441.

ведческие исследования 1910-х гг., выполненные на основе русских источников, вполне ей соответствовали. Обобщая накопленные гербоведением методические приемы и подводя под них теоретическую основу, идеи Д.Н. Егорова открывали новые перспективы анализа отечественных гербов. Однако стечение обстоятельств (момент выхода монографии в свет совпал с Первой мировой войной) привело к тому, что они не оказали того теоретико-методического влияния, на которое могли претендовать потенциально. Блестательный вклад Д.Н. Егорова в развитие научной геральдики России оказался оценен только через столетие, в начале XXI в.

Параллельно с изучением источниковедческих возможностей самого герба, в 1910-е гг. активно разрабатывался тезис о необходимости анализа связи герба с его носителем. Доминирующее место занял он в творчестве В.К. Лукомского, исходившего из того неоспоримого факта, что гербы чрезвычайно широко распространены в определенные периоды, часто изображаясь на предметах быта и произведениях искусства. Исследователь скрупулезно перечислил группы предметов, которые могли нести гербы: печати, монеты, экслибрисы, надгробные памятники, одежда, здания, посуда и т. д.⁶⁸⁸. Из списка делался вывод: «Во всех этих случаях знание геральдики становится необходимым и весьма ценным подспорьем, ибо здесь герб является ключом, и подчас единственным, к выяснению времени и места происхождения данного произведения, иногда имени творца его и всегда принадлежности исследуемого предмета тому или иному роду или лицу»⁶⁸⁹, т. е. перед геральдикой ставились прагматические задачи, связанные с потребностями музееведения и искусствоведения, по сути – источниковедческие. Характеристики, которые вводились при источниковедческом анализе герба, экстраполировались на его носитель. В процессе внешней критики изображения устанавливались традиционные параметры предмета: датировка, место и обстоятельства создания и др.

Важнейшим компонентом источниковедческой концепции являлась гербовая экспертиза. Она мыслилась не только как познавательный процесс, но и как сфера прагматического использования результатов исследований, как своего рода их завершающий этап, как

⁶⁸⁸ Лукомский В.К. Гербоведение и герб. – Стлб. 158.

⁶⁸⁹ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 6.

синтез научного знания и практики. Многочисленные примеры использования гербов подобным образом имелись в геральдических и искусствоведческих публикациях 1910-х гг.⁶⁹⁰, хотя в последнем случае из-за недостаточной осведомленности авторов в геральдике, они могли содержать ошибки. Иногда происходил обратный процесс, когда точно атрибутированный предмет позволял установить источниковедческие параметры герба. В 1910-е гг. был накоплен значительный методический опыт подобного анализа, не ставший, однако, предметом целенаправленного теоретического осмысления.

Источниковедческая парадигма в отечественном гербоведении имела и более традиционные формы, чем анализ изображений гербов, могли изучаться письменные источники, в которых рисунок отсутствовал. Тогда исследование соответствовало общей методике, выработанной источниковедением, хотя специфика проявлялась и в таком случае. Она определяла структурирование источника, выделение из него геральдического субстрата. Изыскания по конкретным темам требовали, как правило, только части документа, иногда – нескольких строчек описания. Характерен был комплексный подход, выражавшийся в интегрированном использовании письменных и вещественных источников.

В историографии 1910-х гг. произошло резкое расширение совокупности письменных источников. В работах предыдущего периода они использовались нерегулярно, спорадически, теперь же ситуация изменилась качественно. Началось массовое привлечение архивных материалов. Переломным моментом стала работа В.К. Лукомского «О геральдическом искусстве в России»⁶⁹¹. Она была первым опытом систематического использования неопубликованных материалов. В начале 1910-х гг. изменилось представление о месте письменных источников в структуре геральдического познания. В отличие от XIX в. они заняли первенствующее место, оттеснив вещественные памятники.

Основным хранилищем, откуда в 1910-х гг. заимствовались материалы для изысканий, стал архив Департамента Герольдии, в ко-

⁶⁹⁰ Например, искусствовед барон А.Е. Фелькерзам использовал геральдические сведения в статье о столе, принадлежавшем принцессе Пармской Элеоноре (СГ. – 1913. – № 3. – С. 12–13).

⁶⁹¹ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 5–35.

тором были обнаружены многие документы, введенные в научный оборот в начале XX в. Они часто меняли устоявшиеся представления об истории геральдики. В.К. Лукомский, в частности, впервые упомянул о таком важнейшем источнике, как манифест о государственном гербе 1800 г.⁶⁹². Наряду с русскими привлекались иностранные источники. Так, выяснить эволюцию герба Милорадовичей помог «аттестат» Рагузской республики 1749 г.

Расширилось содержание понятия источника геральдического исследования. Оно стало распространяться не только на официально утвержденные гербы, но и на их проекты⁶⁹³, варианты, на непризнанные властью самобытные символы. Именно последним уделялось особое внимание, поскольку они раскрывали бытование герба в социуме и культуре больше, чем официальные изображения. В.К. Лукомский начал целенаправленное собирание неутвержденных гербов с бытовых предметов, зданий, надгробий и др.

Появились исследования о наиболее значимых геральдических памятниках⁶⁹⁴: «Общем гербовнике дворянских родов», Гербовнике А.Т. Князева, жалованных грамотах на дворянское достоинство и титулы.

Источниковедение в 1910-х гг. развивалось очень активно, в различных направлениях, а главным результатом это стало его окончательное обособление как самостоятельного раздела научной геральдики.

Необходимость расширения документальной основы исследований стимулировала и другое структурное изменение – становление геральдической археографии. Она занималась подготовкой к воспроизведению текстов, касавшихся гербов. В XIX в. публикации геральдических источников были единичными, а в 1910-х гг. они не только стали многочисленнее и разнообразнее, но и приобрели целенаправленный характер. Они оценивались, прежде всего, с позиции расширения и доступности источниковедческого поля. Так, в

⁶⁹² Там же. – С. 26.

⁶⁹³ Например, см.: Лукомский В.К. Печать с гербом Ганнибала... – С. 99; *Он же*. Родословие дворян Митусовых. – СПб., 1914. – С. 14–18; [Тройницкий С.Н.] О гербе рода князей Мещерских // Гербовед, 1913 – 1914 гг. – С. 74–75; *Он же*. Гербы князей Юсуповых и Урусовых // Там же. – С. 236–239.

⁶⁹⁴ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 8–9, 11–13, 16–17, 18–23, 26–29; Гернет А.О. фон. Указ. соч. – С. 383–386; Гербовник А.Т. Князева... – С. V–VII.

рецензии на «Малороссийский гербовник» В.К. Лукомского и В.Л. Модзалевского подчеркивалось, что неизвестные ранее гербы не просто «собраны, систематизированы и описаны», но «русская геральдическая наука обогащена новым источником для дальнейшего изучения и дальнейших исследований»⁶⁹⁵.

Потребность в археографическом освоении архивных материалов к концу 1900-х гг. ощущались вполне определенно. В 1909 г. Н.П. Лихачев выступил с призывом издать «богатый и интересный материал», касающийся русской геральдики: альбомы рисунков, составленные из дел Герольдии, портфелей Г.-Ф. Миллера, семейных собраний; особо подчеркивалась необходимость опубликовать Гербовник А.Т. Князева⁶⁹⁶. Дальнейшее развитие дисциплинарной археографии в основных моментах совпало с идеями историка.

В 1910-е гг. появились публикации крупных геральдических памятников⁶⁹⁷, тематически единых комплексов документов (например, о внесении гербов в «Общий гербовник»)⁶⁹⁸, конкретных источников⁶⁹⁹. В хронологическом отношении большинство из них касалось второй половины XVIII – начала XIX в.

Методический уровень подготовки соответствовал общим принципам археографии начала XX в. Методика была неустойчивой, имелись примеры как публикаций высокого уровня, так и подготовленных неудачно. В первых точно переданный текст сопровождался подробными предисловиями, биографическими и сфрагистическими комментариями, указателями и др. В других допускались не оговоренные пропуски, отсутствовал научно-справочный аппарат, а из дополнительной информации отмечались только места хранения. Иногда хронологическая последовательность приведенных полностью и в извлечениях документов заменяла само исследование. Подобные публикации выражали свойственное пози-

⁶⁹⁵ [Любимов С.В.] [Рецензия] // ИВ. – 1915. – № 5. – С. 654.

⁶⁹⁶ ИРГО. – 1909. – Вып. 3. – С. 367.

⁶⁹⁷ Гербы третьей части...; Гербовник А.Т. Князева...

⁶⁹⁸ К истории герба рода князей Черкасских // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 75–80; О гербе баронов Строгановых // Там же. – С. 64–68; Дворяне Вагнер // Там же. – С. 145–151; Графы Гендриковы и Ефимовские // Там же. – С. 213–234; О гербе баронов Черкасовых // Там же. – С. 286–297; Графы Зотовы // Там же. – С. 363–373.

⁶⁹⁹ Диплом на графское достоинство Карлу и Федору Скавронским // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 210–213; Лукомский В.К. Диплом на баронское достоинство гофмейстерины Климентовой // Там же. – С. 137–140.

тивизму положение о том, что единственной ценностью является достоверный факт прошлого, а анализ исторических процессов и событий излишен. В контексте такой идеи совокупность достоверных текстов компенсировала анализ.

Геральдические публикации имели специфические методические характеристики. При отборе материалов доминирующее внимание уделялось источникам, раскрывающим семантику гербов, в основном жалованным грамотам (дипломам) на дворянское достоинство или титулы, исходившим не только от российских правителей, но и от императоров Священной Римской империи⁷⁰⁰. Журнал «Гербовед» опубликовал около 20 подобных документов, в том числе относящихся к графам Разумовским, графам Зотовым, графам Скавронским, графам Ефимовским, графам Гендриковым и другим родам.

Сформировались требования к научно-справочному аппарату: обязательное наличие визуального компонента (рисунков, желательного цветных)⁷⁰¹, присутствие генеалогического и биографического комментариев, проведение сравнительного и (или) эволюционного анализа (иногда в текстуальной, иногда в визуальной форме). Осознавалась необходимость точной передачи цвета. С.Н. Тройницкий критиковал книгу «Русская геральдика» В.К. Лукомского и барона Н.А. Типольта за «неудачный тон красок» и за то, что вместо пурпура воспроизведена «какая-то невероятная сиреневая краска»⁷⁰². Другим поводом для недовольства рецензента стало неполное, с обрезанными краями воспроизведение рисунков из «Титулярника» 1672 г. Такие археографические требования детерминировались потребностями источниковедческих изысканий, нуждавшихся в точной передаче визуального ряда.

⁷⁰⁰ Грамота, пожалованная римско-германским императором Леопольдом I австрийской фамилии фон Крузе в 1664 году. – М., 1908.

⁷⁰¹ Рисунок мог являться частью самой публикации (например, воспроизведение листа с гербом из жалованной грамоты), а иногда помещался в составе комментария, будучи заимствован из иного источника. Отсутствие цветного рисунка являлось поводом для упрека. В отзыве на сборник гербов лейб-компанцев серьезным недостатком считалось то, что публикатор С.Н. Тройницкий не воспроизвел ни одного герба в красках (*Евдокимов И.* [Рецензия] // *Русский библиофил.* – 1915. – № 3. – С. 106). В другом случае С.Н. Тройницкий, упреждая критику, писал, что он отказался от цветных рисунков из-за больших материальных затрат (Гербовник А.Т. Князева... – С. VII).

⁷⁰² *Тройницкий С.Н.* [Рецензия] // *СГ.* – 1915. – № 11. – С. 39.

Характерной чертой геральдической археографии была интеграция письменных и вещественных источников. Блестящим примером подобного рода являлся «Малороссийский гербовник» В.К. Лукомского и В.Л. Модзалевского⁷⁰³. Он основывался на сведениях, заимствованных из «Общего гербовника дворянских родов», архивов Черниговского дворянского собрания и Черниговской губернской ученой архивной комиссии, с портретов, печатей, посуды и иных предметов.

Для геральдического анализа часто необходим не весь текст источника, а только фрагмент, непосредственно связанный с гербами, поэтому в 1910-х гг. в гербоведении начала применяться регистровая форма публикации, когда воспроизводится только часть документа. Она использовалась, в частности, в сборнике лейб-компанских гербов⁷⁰⁴. В нем кроме рисунков приводились отрывки из жалованных грамот, содержавшие описания гербов. Однако рецензенты полагали возможным сделать еще большие сокращения и ограничиться воспроизведением одного, индивидуального поля лейб-компанских гербов (другое было у всех одинаковым)⁷⁰⁵.

Интенсивное археографическое освоение стимулировало формирование модели научно-справочного аппарата для геральдической публикации. Тексты сопровождались не только предисловиями (в основном, источниковедческого содержания) и биографическими комментариями, но и публикациями сопутствующих документов. Например, к лейб-компанскому гербовнику прилагался комплекс источников, подробно раскрывавших процесс создания гербов и историю самой лейб-компании⁷⁰⁶.

Совершенствовались структура публикаций и способы подачи информации. Описание в виде сплошного, нерасчлененного текста в отдельных случаях заменялось структурированным перечнем элементов герба. В качестве рубрик выступали щит, нашлемник, щитодержатели, намет, девиз. Структурирование вербального

⁷⁰³ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник.

⁷⁰⁴ Тройницкий С.Н. Гербы лейб-компании: обер и унтер-офицеров и рядовых. – Пг., [1914].

⁷⁰⁵ Евдокимов И. Указ. соч. – С. 106.

⁷⁰⁶ Тройницкий С.Н. Указ. соч. – С. 447–517. Собрания документов о разработке гербов прилагались и к другим публикациям С.Н. Тройницкого ([Тройницкий С.Н.] Гербы командира и офицеров брига «Меркурия». – Пг., 1915. – С. 19–29).

компонента особенно характерно для трудов В.К. Лукомского⁷⁰⁷, который при блазонировании гербов польского дворянства отказался от единого описания, разделив его на последовательные части⁷⁰⁸. Такой прием позволял иначе организовывать блазонное пространство конкретного герба. Его появление детерминировалось развитием элементов структурализма. Предлагавшаяся модель ориентировалась исключительно на научное познание, позволяла более точно проводить сравнительный и эволюционный анализы, создавать системы для атрибуции гербов.

Лучшей по уровню археографической подготовки для начала XX в. следует признать публикацию Гербовника А.Т. Князева 1785 г., подготовленную С.Н. Тройницким. Она выделялась оригинальной методикой воспроизведения текста. Приведем для примера несколько страниц из подлинной рукописи, С.Н. Тройницкий отказался от точной передачи формы гербовника. Он разделил каждую страницу вертикально на две части, в одной воспроизводились рисунки и текст самого памятника (с указанием листов), в другой – подробные геральдические и генеалогические комментарии, в большинстве случаев представлявшие собой сравнительный анализ изображения герба XVIII в. с его официально утвержденным вариантом. С.Н. Тройницкий предложил качественно новую модель публикации геральдического памятника⁷⁰⁹, основанную на создании особого археографическо-исследовательского пространства, в котором публикатор-ученый вы-

⁷⁰⁷ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Указ. соч.; Лукомский В.К. Неутвержденные гербы титулованных родов Российской империи и Царства Польского // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 32–34, 48–50, 68–70, 82–86, 97–98.

⁷⁰⁸ Например, герб графов Ожаровских передавался следующим образом: Щ и т: в золотом поле дева в золотой короне и белой одежде, сидящая на черном обращенном влево медведе (герб Rawicz); щит увенчан графской короной, над которой шлем с дворянской короной. Н а ш л е м н и к: черный медведь, возникающий влево между двух оленьих рогов, держащий розу. Н а м е т: черный, подложенный золотом. Д е в и з: на белой ленте «Officium cole caetere quiesce» (Там же. – С. 48; рядка В.К. Лукомского).

⁷⁰⁹ Не случайно, что ни одна другая геральдическая публикация начала XX в. не вызвала такого активного отклика в прессе, как Гербовник А.Т. Князева. См.: Иваск У.Г. О «Гербовнике» Князева // РА. – 1912. – № 5. – 3 л. обл.; Лукомский В.К. [Рецензия] // СГ. – 1912. – № 5. – С. 44; [Любимов С.В.] [Рецензия] // ИВ. – 1912. – № 12. – С. 1251–1253; РС. – 1913. – № 1. – 2 л. обл.; Савелов Л.М. [Рецензия] // ЛИРО. – 1914. – Вып. 1/2. – С. 62; Столянский П.Н. [Рецензия] // Новое время. – 1912. – 25 марта.

ступает как чрезвычайно активное начало, перестраивающее структурно и информационно первоначальный текст.

Публикации по геральдике имели большое значение не только для исследований начала XX в. Они составили массив источников, который активно использовался на протяжении всего последующего столетия. Одной из причин подобной ситуации стало то, что по целям и содержанию многие издания совмещали археографические и справочные функции. Это позволяет сохранять им научное значение до сих пор.

В отличие от XIX в. информационные пособия 1910-х гг. (а к ним можно причислить и гербовники) ориентировались на потребности научного познания и составлялись, в первую очередь, для решения исследовательских и эвристических задач, определявших их содержание и структуру. С.Н. Тройницкий, готовя полный перечень девизов родовых гербов, в отличие от аналогичных трудов конца XIX в., прямо ставил цель – дать пособие, «по которому легко было бы находить как фамилию по девизу, так и девиз по фамилии»⁷¹⁰.

Изменился источниковедческий ресурс эвристической работы. Если раньше печатные гербовники фиксировали только признанные государством гербы, то к 1910-м гг. акцент сместился в сторону самобытных, неутвержденных гербов. Никаких отличий между двумя частями родового пространства не делалось, индифферентность определялась отношением к ним не с юридической точки зрения (факт утверждения властью), а с позиций источниковедения.

Расширение предмета исследований потребовало разъяснения познавательного статуса неутвержденных гербов, необходимого как предосторожность от недоразумений с органами власти и дворянского самоуправления. В предисловии к «Малороссийскому гербовнику» В.К. Лукомский подчеркивал, что целью справочника «было не признание гербов за тем или иным малороссийским родом, но исключительно разыскания о таковых гербах»⁷¹¹.

Изменение прагматических целей повлекло дифференциацию гербовников. Их составители не стремились больше к фикса-

⁷¹⁰ Тройницкий С.Н. Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства. – СПб., 1910. – С. [3].

⁷¹¹ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Указ. соч. – С. XXIV.

ции геральдического пространства в целом, выбирая для регистрации какую-либо его часть, ограниченную хронологически или тематически, во многих случаях с конечным числом объектов учета. Появилась новая форма гербовников – журнальная. К группе локальных гербовников относились собрания гербов украинских гетманов, офицеров брига «Меркурий», дипломных гербов XVIII в. и некоторые другие⁷¹². Крайним выражением процесса модификации эмпирической основы явились справочники, касавшиеся только неутвержденных гербов⁷¹³. С другой стороны, в 1910-х гг. продолжало ощущаться влияние «Общего гербовника», из которого заимствовалась традиционная модель подачи информации: соотношение визуального ряда и блазонного текста, структура сведений. Наиболее последовательно такая зависимость проявлялась в изданиях С.Н. Тройницкого, в меньшей степени – Г.И. Нарбута⁷¹⁴.

В конце 1900-х – начале 1910-х гг. развитие эвристической системы происходило по сложившейся еще в конце XIX в. схеме – через создание различного рода списков. Новые элементы сводились к изменению фактологической и источниковой основ, к обретению информационной универсальности. Центр эвристического интереса постепенно сместился от «Общего гербовника дворянских родов» в сторону иных источников. Был подготовлен не только сводный указатель ко всем томам официального гербовника, но и списки дипломных гербов, хранившихся в архиве Департамента Герольдии⁷¹⁵. Эти публикации воспринимались состави-

⁷¹² Тройницкий С.Н. Дипломные гербы, не вошедшие в «Общий гербовник» // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 248–250, 267, 283–284, 299–300, 314–317, 345, 360–361, 379, 298, 414–415, 431–434; [Нарбут Г.И.] Гербы гетманов Малороссии. – [Пг.], 1915; [Тройницкий С.Н.] Гербы командира и офицеров...

⁷¹³ Лукомский В.К. Неутвержденные гербы титулованных родов...

⁷¹⁴ [Нарбут Г.И.] Указ. соч.; [Тройницкий С.Н.] Гербы командира и офицеров...

⁷¹⁵ Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Указатели к Высочайше утвержденным «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» (Ч. I–XVIII) и «Гербовнику дворянских родов Царства Польского» (Ч. I–II). – СПб., 1910; *Они же*. Списки лицам, Высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской империи и Царства Польского. – СПб., 1911; Лукомский В.К. Список родам Царства Польского, признанным в дворянском достоинстве с гербами, не внесенными в Высочайше утвержденный гербовник. – СПб., 1912; *Он же*. Дополнительный список лицам, Высочайше пожалованным гербами // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 201–204; *Он же*. Указатель к «Общему гербовнику дворянских

телями не как конечная цель, а как промежуточный этап в создании универсальной, всеобщей справочной системы, охватывающей все утвержденные родовые гербы. «Настоящие указатели являются только предварительным материалом к предполагаемому изданию указателя-справочника, который будет заключать в себе не только список родов и лиц, гербы которых Высочайше утверждены, но и краткие историко-генеалогические сведения о каждом роде или лице»⁷¹⁶, – писали В.К. Лукомский и С.Н. Тройницкий в 1910 г. В дальнейшем их замысел был расширен. Предполагалось, что перечень охватит наряду с утвержденными гербы, пожалованные в дипломах, а содержание дополнится описаниями⁷¹⁷. Проект остался нереализованным, но само появление идеи свидетельствовало о большом значении, которое придавалось геральдической эвристике в начале XX в. Она должна была обеспечить полный и быстрый поиск информации, необходимой для научных изысканиях и атрибуции.

Наиболее простой, хотя и заведомо локальной, справочной системой в 1910-х гг. продолжали считаться списки девизов. Так же, как в случае с гербовниками, создание подобных справочных материалов перешло от государственных учреждений к исследователям. Аналогичным образом расширилась эмпирическая основа: от фиксации официально признанных гербов к собиранию девизов с гравированных портретов, экслибрисов, печатей, из иностранной литературы⁷¹⁸. С.Н. Тройницкому удалось выявить 757 родовых девизов⁷¹⁹, используя как утвержденные варианты гербов, так и их самобытные разновидности. Зная, что в последнем случае девиз мог

родов Всероссийской империи». – Ч. XIX. – Пг., 1914; *Он же*. Указатель к «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи». – Ч. XX. – Пг., 1917.

⁷¹⁶ Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Указатели к Высочайше утвержденным... – С. 7. Начинание получило поддержку заведующего архивом Департамента Герольдии В.Е. Рудакова, посоветовавшего предварить справочник исследованием, в котором отразить количественные и хронологические параметры пространства родовых гербов, сделать анализ их происхождения, «древности» и эмблем (Рудаков В.Е. [Рецензия] // ИВ. – 1910. – № 8. – С. 659).

⁷¹⁷ Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Списки лицам, Высочайше пожалованным дипломами... – С. 5.

⁷¹⁸ Например, из широко известного «Прибалтийского гербовника» К.-А. Клингспора, см.: *Klingspor K.-A. Baltisches Wappenbuch*. – Stockholm, 1882.

⁷¹⁹ Тройницкий С.Н. Гербовые девизы...

иметь личный характер, автор все-таки осуществил их учет, поскольку «путем долговременного и преемственного пользования [они. О.Н.] сделались принадлежностью, если и не всего рода, то ветви его»⁷²⁰. Но даже составленный им обширный список оказался неполон. У.Г. Иваск дополнил его⁷²¹ на основании личного собрания экслибрисов.

Эвристический характер носили сфрагистические публикации – описания коллекций гербовых печатей⁷²², которые должны были способствовать атрибуции и введению в оборот неизвестных вариантов родовых гербов.

Основная цель справочных публикаций 1910-х гг. состояла в обнаружении новой, научно структурированной информации. Итогом их в идеале должна была стать универсальная мега-система, максимально полно отражающая опыт национального герботворчества и позволяющая быстро ориентироваться в геральдическом пространстве.

В 1910-е гг. изменилось внутродисциплинарное положение формальной геральдики. Благодаря становлению источниковедческого раздела, выдвинувшего новые требования к описанию, благодаря геральдической археографии, предполагавшей в ряде случаев составление собственных описаний (например, для неутвержденных гербов) она переживала активную научную эволюцию, окончательно утратив при этом доминирующее значение, когда к перечню формальных правил сводилось все дисциплинарное знание. В 1910-е гг. функции формальной геральдики виделись иначе – составление точного, полного, краткого и аутентичного изображения описания, на которое можно опереться при анализе. Разночтения между рисунком и текстом, встречавшиеся в гербовой практике XVIII–XIX вв., стали абсолютно неприемлемыми и подвергались всяческой критике, считаясь очень существенным недостатком.

Изменилось понимание соотношения между русской и европейской традициями. Изложение правил составления гербов по-

⁷²⁰ Там же. – С. [4].

⁷²¹ Иваск У.Г. Библиографическая заметка // ЛИРО. – 1910. – Вып. 1. – С. 44–45.

⁷²² Лукомский В.К. Собрание гербовых печатей Н.Ф. Романченко // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 128–132; [Значко-Яворская О.Н.] Собрание гербовых печатей В.К. Лукомского // Там же. – С. 273–277; [Лавровский В.К.] Указатель печатей русских дворянских родов. – Пг., 1916.

прежнему традиционно опиралось на западный опыт, но возросло внимание к новейшим научным изысканиям⁷²³ (Н.А. Типольт, например, привлек классический труд английского историка А. Фокс-Дэвиса)⁷²⁴. Стала использоваться практика не какой-либо одной страны, а сразу нескольких, преимущественно Франции и Германии, реже Англии. Ориентация на конкретный опыт сменилась стремлением вычленить общеевропейскую основу, некий исходный для всех компонент. Прямая рецепция западного опыта отрицалась как неприемлемая. Пространственная самоидентификация русской геральдики обусловила требование использовать национальный опыт герботворчества, реализуемый в практической деятельности Департамента Герольдии. На основе его анализа представлялось возможным выделить некие формальные традиции, получившие в историографии название «официальной русской геральдики», которые исходят из западной модели, но имеют и национальную своеобразие⁷²⁵. Подчеркивалось несоответствие европейской и русской практик составления гербов, самобытность отечественной иконографической модели, характеристика которой приводилась в работах и включала сведения о форме щитов, щитодержателях, коронах, мантиях, девизах⁷²⁶.

Поскольку реально было невозможно полностью игнорировать конкретные европейские нормы, то иногда негативное отношение к ним переносилось на формальную геральдику в целом. Наиболее последовательно придерживался такого мнения С.Н. Троицкий, видевший в ней только проявление «схоластической учености» и считавший, что многие ее требования бесполезны в прак-

⁷²³ Одновременно сохранялась практика обращений к классическим работам более раннего периода. В.Е. Белинский, например, использовал классификацию девизов К.-Ф. Менестрие, жившего на рубеже XVII–XVIII вв. (*Белинский В.Е. Древние и новейшие девизы.* – С. 13–16).

⁷²⁴ Из этой книги, в частности, были заимствованы некоторые рисунки. См.: *Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар.* Указ. соч. – С. [82]; *Fox-Davies A.C. A Complete Guide to Heraldry.* – London, 1909.

⁷²⁵ *Белинский В.Е. Русский геральдический словарь.* – Вып. 2. – С. 86. В.Е. Белинский предложил особую дефиницию «официальной геральдике»: «Система согласования эмблем герба с основаниями возникновения или приобретения дворянства данного рода» (Там же. – С. 87).

⁷²⁶ *Гернет А.О. фон.* Указ. соч. – С. 388–389; *Белинский В.Е.* Указ. соч. – Вып. 2. – С. 84–85; *Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар.* Указ. соч. – С. 23–24.

тической деятельности⁷²⁷. Он обрушился с резкой критикой на Н.А. Типольта за пересказ немецких пособий, «притом самого плохого для истории геральдики периода, а именно XVIII-го и первой половины XIX-го вв., и, кроме того, [текст. О.Н.] заимствован немелом, без достаточного знания истории геральдики, с единственным желанием опубликовать какие-то никому не нужные правила теоретической геральдики». С.Н. Тройницкий указывал, например, что упомянутое Н.А. Типольтом право древнего дворянства на щитодержателей «выдуманно Герольдией лишь недавно и практического значения не имеет», поскольку элемент часто выполнял только орнаментальные функции⁷²⁸. Д.Н. Егоров высказывался за «коренной разрыв» с неудачно заимствованной терминологией⁷²⁹ и вводил несколько новых терминов (гербообразование, герботворцы, гербоизменения, полугербы)⁷³⁰. С.В. Любимов называл формальные правила догмой гербоведения, а излагавший их очерк Н.А. Типольта тарабарщиной, «которая под именем “геральдической терминологии” служит при описании гербов в последних томах “Общего гербовника”»⁷³¹.

Полностью отказаться от формальных основ было невозможно, поскольку они прямо связаны с сущностью герба, поэтому приобрела популярность идея об их совершенствовании и упорядочении. Именно такую цель ставили перед собой Ю.В. Арсеньев, Н.А. Типольт, В.Е. Белинский. Последний предпринял попытку издать «Русский геральдический словарь»⁷³², в котором предполагал добиться «точного, определенного и полного изображения ге-

⁷²⁷ Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 392–396.

⁷²⁸ Тройницкий С.Н. [Рецензия] // СГ. – 1915. – № 11. – С. 38.

⁷²⁹ Егоров Д.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 388.

⁷³⁰ Там же. – С. 378, 388, 394, 398, 422 и др.

⁷³¹ [Любимов С.В.] [Рецензия] // ИВ. – 1916. – № 2. – С. 579.

⁷³² Белинский В.Е. Указ. соч. Издание осталось незавершенным. Оно прекратилось, в основном, из-за финансовых проблем, вызванных начавшейся мировой войны, но В.Е. Белинский продолжал работу над текстом. К апрелю 1915 г. рукопись, за исключением слов на буквы «С» и «Р», была подготовлена (Наумов О.Н. «Я фанатически предан своему делу»... – С. 59). В 1915–1916 гг. геральдист безуспешно пытался заинтересовать изданием крупного тамбовского промышленника М.В. Асеева. Материалы словаря нашли отражение в публикациях В.Е. Белинского за 1916–1917 гг. (Белинский В.Е. Древние и новейшие девизы; Он же. Сверхъестественные геральдические существа и чудовища // Столица и усадьба. – 1917. – № 76. – С. 12–13).

ральдических фигур (эмблем) и предметов»⁷³³, а также исправления ошибок, допущенных в официальных описаниях гербов. Важнейшим предназначением справочника было совершенствование русской терминологии на основе зарубежной, преимущественно французской, практики.

Своеобразной попыткой упростить ситуацию с формальной геральдикой стал очерк Н.А. Типольта⁷³⁴. Он не претендовал на новизну изложения материала, опирался на традиционную европейскую (конкретно – немецкую) модель, имел недостатки в содержании и не был удачен терминологически. Все это справедливо отмечалось рецензентами⁷³⁵. Достоинство заключалось в самой идее – дать популярное, сравнительно полное, но одновременно краткое представление о формальных закономерностях геральдического знания. Подобное пособие отсутствовало, и его не могли заменить ни поверхностные разделы в энциклопедических статьях и общих трудах, ни обстоятельный раздел в лекциях Ю.В. Арсеньева, рассчитанный на профессионализм читателя.

Прагматические и источниковедческие задачи формальной геральдики поставили в центр внимания терминологию⁷³⁶. Все геральдисты сходились во мнении, что она крайне запутанна, несовершенна и противоречива. К модернизации терминологии часто сводилась проблема совершенствования формальной геральдики вообще. Специалисты признавали не только необходимость, но и возможность реформирования понятийно-терминологического аппарата. Наиболее четкую и обоснованную позицию сформулировал Ю.В. Арсеньев: «Хотя в нашей юной русской геральдике подобных [условных. О.Н.] терминов весьма немного, но это не исключает возможности и у нас с течением времени более полной геральдической терминологии, которая являлась бы весьма нелишней уже

⁷³³ Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. – Вып. 1. – С. III.

⁷³⁴ Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар. Указ. соч. – С. 31–46.

⁷³⁵ Лазаревский И. О русской геральдике // Новое время. – 1916. – 8 янв. – № 14308. – С. 5–6; [Любимов С.В.] [Рецензия] // ИВ. – 1916. – № 2. – С. 579–580; [Ростиславов А.] [Рецензия] // Речь. – 1915. – 18 дек. – № 348. – С. 7; Троицкий С.Н. [Рецензия] // СГ. – 1915. – № 11. – С. 37–40; Эттингер П.Д. [Рецензия] // Утро России. – 1915. – 19 сент. – № 257. – С. 5–6.

⁷³⁶ См.: Наумов О.Н. Из истории геральдической терминологии // Русская речь. – 2001. – № 2. – С. 79–81.

потому, что между нашими гербами встречается немало таких, которые перешли в Россию с Запада вместе с их владельцами, и, следовательно, не могут быть правильно описаны без общепринятых геральдических терминов»⁷³⁷. Таким образом, возможность использования западной терминологии мыслилась как следствие формального единства русских и западных гербов. Тот же Ю.В. Арсеньев предложил для герботворчества России усовершенствованную на основе европейского опыта систему терминов и понятий. К каждому из них ученый подобрал эквивалент на немецком и французском языках, заложив таким образом в лекции существенный справочный компонент. Примеру Ю.В. Арсеньева последовал В.Е. Белинский, который пошел даже несколько дальше, приводя иностранные термины при описаниях конкретных гербов⁷³⁸.

Ориентация на европейскую терминологическую систему была не единственным предлагавшимся путем решения проблемы. Особенно четко альтернативный подход обозначился во время дискуссии между В.К. Лукомским и С.Н. Тройницким. Поводом для нее послужила публикация «Малороссийского гербовника», включавшего множество самобытных гербов, не имевших каких-либо описаний. Их составил В.К. Лукомский, а С.Н. Тройницкий выступил с резкой критикой этих текстов⁷³⁹. Суть дискуссии сводилась к тому, что В.К. Лукомский считал возможным использовать специальные термины и стилистические обороты, заимствованные из западной практики. С.Н. Тройницкий отрицал такой подход и пропагандировал национальный традиционализм, сложившуюся в России описательность⁷⁴⁰, «ясность» для всех, близость к повседневному языку. В качестве образца он предлагал тексты XVIII в. Апелляции В.К. Лу-

⁷³⁷ Арсеньев Ю.В. Геральдика. – С. 170.

⁷³⁸ Белинский В.Е. Род и герб князей Васильчиковых // Исторический журнал. – 1917. – № 3. – С. 304–305.

⁷³⁹ Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 389–397, 410–412.

⁷⁴⁰ Эту особенность геральдических текстов отмечал еще А.Б. Лакиер, писавший, что в России «вместо технических названий употребляются описательные выражения. Язык геральдический еще не утвердился» (Лакиер А.Б. Русская геральдика. – С. 29). Историк предложил несколько новых терминов (в частности, связанных с делениями гербового щита), а к каждому русскому понятию подобрал аналогичное выражение по-французски. Он, конечно, преследовал иные цели, чем Ю.В. Арсеньев, не стремясь к совершенствованию терминологии. Иностранные термины носили, скорее, отсылочный характер.

комского к «Общему гербовнику» как к практике герботворчества и к лекциям Ю.В. Арсеньева как к теоретическому обоснованию С.Н. Тройницкий отверг⁷⁴¹. Дискуссия продолжилась при обсуждении книги В.К. Лукомского и Н.А. Типольта «Русская геральдика»⁷⁴². Прервала ее только Первая мировая война.

Другие специалисты, не участвуя непосредственно в дискуссии, вполне четко примыкали к одной из позиций. К точке зрения В.К. Лукомского склонялись Ю.В. Арсеньев⁷⁴³, Н.А. Типольт и В.Е. Белинский⁷⁴⁴. Д.Н. Егорову, вероятно, ближе было мнение С.Н. Тройницкого⁷⁴⁵.

В 1910-х гг. продолжалась уже встречавшаяся в трудах П.П. фон Винклера практика замены «старомодных» официальных описаний из «Общего гербовника» «правильными», «научными»⁷⁴⁶. Составление оригинальных, авторских, по «русской терминологии» текстов распространялось даже на иностранные гербы. Так поступил, например, В.Е. Белинский по отношению к государственному гербу Великобритании⁷⁴⁷.

Вопрос о геральдической терминологии носил отнюдь не схоластический характер, он был принципиально важен для эволюции научных основ дисциплины, так как понятийно-терминологический аппарат должен обеспечивать адекватное воспроизведение информации, облегчать интерпретацию источников, способствовать всевропейской интеграции геральдического знания. Смысл пробле-

⁷⁴¹ Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 412–414.

⁷⁴² Тройницкий С.Н. [Рецензия] // СГ. – 1915. – № 11. – С. 37–40.

⁷⁴³ Ю.В. Арсеньев следующим образом формулировал требования к геральдическим терминам: «При всей своей краткости они должны быть достаточно выразительными, чтобы удовлетворять условиям правильного описания, или блазнирования, гербов, не требуя дополнительных объяснений» (Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 170).

⁷⁴⁴ Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. – Вып. 1. – С. III.

⁷⁴⁵ Д.Н. Егоров писал: «Предпочитаю реальные названия взамен геральдических определений – столб, перевязь и т. д. К тому же русская геральдическая традиция и до сих пор зависит еще от неудачных переводов знаменитого Амбодика» (Егоров Д.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 388).

⁷⁴⁶ Например, см.: Белинский В.Е. Геральдика и генеалогия героев Отечественной войны. Фельдмаршал князь М.Б. Барклай де Толли // Природа и люди. – 1912. – № 50. – С. 795.

⁷⁴⁷ Белинский В.Е. Из области геральдики и генеалогии. 1. Великобританский герб; 2. Родословная и герб А.С. Пушкина // Природа и люди. – 1912. – № 15. – С. 237.

мы состоял в определении степени своеобразия русской геральдики и характера ее взаимоотношений с иностранной традицией. Выделилось два направления – западников и традиционалистов, предлагавших альтернативные пути совершенствования формальных правил.

Активность терминологических и формально-геральдических дискуссий в 1910-е гг. обозначила поиски новых, соответствующих познавательной ситуации моделей анализа. Однако они остались незавершенными, не было достигнуто даже предварительного консенсуса.

В 1910-е гг. продолжала расширяться проблематика исследований. Началось целенаправленное изучение истории русской геральдики, обретшей статус самостоятельной научной проблемы. Это свидетельствовало о том, что пределы национального гербоворчества определялись вполне отчетливо и уверенно.

В хронологическом отношении генезис «настоящей», т. е. соответствующей европейскому опыту геральдики в 1910-х гг. относили к царствованиям Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, примерно к 60-м – 80-м гг. XVII в. Он связывался либо с выездом иностранных дворян, принесших с собой геральдические традиции, либо с деятельностью приглашенного в Москву австрийского герольдмейстера Лаврентия Хурелича⁷⁴⁸. Первая точка зрения носила более обобщенный, вторая – более конкретный характер. Однако в обоих случаях подчеркивалось, что предпосылки, эмблематический ряд, представления о гербе (хотя бы применительно к государственной символике) существовали на Руси ранее второй половины XVII в. Когда авторы писали о зарождении «подлинной» геральдики, они имели в виду упорядочение некоего национального опыта, хотя и не очень значительного количественно.

Характер конституализации геральдики оставался дискуссионным. Н.П. Лихачев повторял известную точку зрения, что «дворянская геральдика искусственно сочинена в исходе XVII века»⁷⁴⁹. С ней категорически не согласился Ю.В. Арсеньев⁷⁵⁰, видевший в воз-

⁷⁴⁸ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 6–8; Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах... – С. 147.

⁷⁴⁹ Лихачев Н.П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. – Вып. 11. – СПб., 1903. – С. 139.

⁷⁵⁰ Арсеньев Ю.В. Геральдика. – С. 322.

никновении русских гербов естественный процесс культурного заимствования, связанный с распространением польских обычаев и женитьбой Федора Алексеевича на Агафье Грушецкой, происходившей из польской шляхты. В ответ на критику Н.П. Лихачев уточнил свою позицию. Не отвергая факта польского влияния на формирование геральдики в XVII в., он все-таки отстаивал тезис о том, что дворянские гербы были сочинены, т. е. случайно избраны и составлялись по «приказу свыше» преимущественно в течение XVIII в.⁷⁵¹. Идею Н.П. Лихачева в основных положениях поддержал его ученик В.К. Лукомский, подчеркивавший роль дипломатических контактов в ознакомлении России с европейскими геральдическими знаниями⁷⁵².

Продолжала бытовать мысль о самобытности русской геральдики. Геральдисты отслеживали, чтобы степень заимствования западного и неразвитости русского опыта не преувеличивались. Когда И.К. Антошевский заявил, что геральдика в России «не привилась», а гербы «не вошли во всеобщее употребление» и «стали достоянием немногих дворянских фамилий»⁷⁵³, то рецензировавший рукопись Ю.В. Арсеньев не согласился с подобными утверждениями и дал отрицательный отзыв о научной компетентности автора.

Обмен мнениями о времени возникновения гербов и формирования геральдики как системы практических знаний способствовал идентификации отечественной традиции в хронологическом отношении.

В 1910-х гг. наметились различные подходы к изучению истории дисциплины.

На связь геральдики и искусства указывал Ю.В. Арсеньев, но особенное внимание этому диалогу уделил В.К. Лукомский, широко использовавший термин «геральдическое искусство» и видевший в данном явлении квинтэссенцию истории, искусства и куль-

⁷⁵¹ Лихачев Н.П. [Рецензия] // ИРГО. – 1909. – Вып. 3. – С. 367.

⁷⁵² Лукомский В.К., Титов Н.А. бар. Указ. соч.

⁷⁵³ РГАДА. – Ф. 1254. – Оп. 1. – Д. 643. – Л. 23. Рукопись «Родословие и геральдика в России» была представлена И.К. Антошевским в 1912 г. для избрания его в члены Московского археологического института и была передана на рецензию Ю.В. Арсеньеву, который неблагоприятно отзывался о сочинении, вследствие чего прошение оказалось отклонено (ЦГА Москвы– ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 3. – Д. 15. – Л. 26 об., 39).

туры⁷⁵⁴. Воспринимая прошлое дисциплины через призму творчества, В.К. Лукомский выделял во взаимодействии геральдики и искусства два аспекта⁷⁵⁵: во-первых, через изображение на произведениях архитектуры, живописи, скульптуры или прикладного искусства; во-вторых, когда сам герб «становится содержанием творчества художника».

Генезис отечественного герботворчества в контексте истории государственных учреждений XVIII в., прежде всего Сената, исследовал А.Н. Филиппов⁷⁵⁶. Он противопоставлял негативным оценкам русского геральдического пространства тезис о своеобразии его становления, носившем, в силу «естественной необходимости», официальный характер. Из этого положения следовал вывод об оригинальности развития геральдики, которую А.Н. Филиппов стремился, подобно Ю.В. Арсеньеву, рассматривать как неотъемлемую часть культуры, подчеркивая одновременно ее политические и правовые аспекты⁷⁵⁷.

Рост количества публикаций детерминировал развитие библиографического учета⁷⁵⁸. В отличие от второй половины XIX в. предпринимались попытки учитывать дисциплинарную литературу не только ретроспективно, но наладить также текущий учет. В журнале «Гербовед» сравнительно регулярно появлялся раздел⁷⁵⁹, информировавший о геральдических и генеалогических новинках. Ретроспек-

⁷⁵⁴ Лукомский В.К. Гербоведение и герб. – Стлб. 158.

⁷⁵⁵ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 6.

⁷⁵⁶ Поскольку герботворчество было отнесено к ведению Сената, то такая взаимосвязь в творчестве А.Н. Филиппова вполне объяснима. Описание системы практической геральдики содержалось и в других работах, касавшихся истории данного учреждения (Лукомский В.К. Хранение гербов государственных и Императорского Дома // История Правительствующего Сената за двести лет. – Т. 4. – СПб., 1911. – С. 346–355; Гернет А.О. фон. Указ. соч. – С. 383–390; В. Ст. Герольдия // Новый энциклопедический словарь. – Т. 13. – СПб., [1913]. – Стлб. 307–309).

⁷⁵⁷ Филиппов А.Н. Указ. соч. – С. 130.

⁷⁵⁸ Подробнее см.: Наумов О.Н. Библиография отечественной геральдики: история и современность // Библиография. – 2003. – № 1. – С. 126–131.

⁷⁵⁹ [Любимов С.В.] Указатель книг и брошюр по генеалогии, геральдике и истории дворянства, вышедших в России в 1913 году // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 278–282; [Он же]. Указатель книг и брошюр по генеалогии, геральдике и истории дворянства, вышедших в России в 1914 году // Там же. – С. 428–431. До появления специального геральдического издания С.В. Любимов публиковал аналогичные списки в исторических журналах: Он же. Список книг и крупных журнальных статей по ге-

тивно учитывались работы о гербах в описаниях книжного собрания Департамента Герольдии⁷⁶⁰. В известном справочнике С.А. Венгерова были опубликованы списки работ отдельных геральдистов⁷⁶¹. Расширились границы библиографического интереса, начался учет зарубежных публикаций⁷⁶². Однако полного ретроспективного справочника по русской литературе составлено не было.

В рамках библиографических работ началось формирование геральдического книговедения. Первым опытом подобного осмысления стало описание библиотеки Д.В. Ульянинского⁷⁶³. Наряду с перечнем собрания, оно содержало краткие очерки по истории наиболее интересных изданий большой фактический материал о тиражах, ценах, наличии оттисков и иную книговедческую информацию.

В 1910-е гг. продолжалось обсуждение генезиса русской геральдики, трактовки которого оставались альтернативными. Тематика исследований по истории дисциплины дополнилась книговедческими и библиографическими аспектами.

В начале XX в. сохранялся устойчивый интерес к государственной символике, изучение которой продолжало все более эволюционировать в сторону научного знания.

Гипотеза о византийском происхождении двуглавого орла оставалась наиболее распространенной⁷⁶⁴. Она обрела окончательный вид и учитывала как традиционные генеалогические обстоятельства, так и общеисторические факторы. В предельно четком виде ее сформулировал В.К. Лукомский в энциклопедическом словаре, издававшемся Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном: «...Дву-

неалогии, геральдике и истории русского дворянства, вышедших в России за 1906, 1907, 1908 и 1909 годы // РА. – 1910. – № 5. – С. 158–160.

⁷⁶⁰ [Лукомский В.К.] Каталог библиотеки Гербового отделения Д[епартамен]та Герольдии Правительствующего Сената. Русский отдел. – Пг., 1916; [Он же]. Каталог библиотеки Гербового отделения Д[епартамен]та Герольдии Правительствующего Сената. Русский отдел. – 1-ое доп. – Пг., 1917.

⁷⁶¹ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Т. 6. – СПб., 1897/1904. – С. 267, 358–363; Он же. Источники словаря русских писателей. – Т. 3. – Пг., 1914. – С. 382.

⁷⁶² Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. – Вып. 1. – С. 56; Вып. 2. – С. 57–73.

⁷⁶³ Библиотека Д.В. Ульянинского. – Т. 3. – С. 1414–1442.

⁷⁶⁴ Лукомский В.К. Хранение гербов... – С. 346; Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 1. – С. 36.

главй орел появляется в России, как в государстве, родственном Восточно-Римской империи и сохранившем принятую от Византии православную веру, и, помещая на свою печать двуглавого орла, Иоанн III, несомненно, указывал на то, что он является наследником монархов Византии»⁷⁶⁵.

Однако сомнения в адекватности византийской версии историческим реалиям нарастали. Учитывая слабое обоснование теории, некоторые авторы уклонялись от описания генезиса, а другие прибегали к модификациям отдельных ее частей⁷⁶⁶. Разделявший в целом византийскую версию В.К. Лукомский связывал двуглавого орла не с неким государственным гербом Византии, по всей видимости, никогда не существовавшим, а с изображениями на печатях семьи Софьи Палеолог – морейских деспотов⁷⁶⁷.

Крупнейший знаток специальных исторических дисциплин Н.П. Лихачев⁷⁶⁸ указывал на то, что Византия не знала государственной символики, на печатях императоров использовались их личные эмблемы, среди которых двуглавый орел отсутствовал⁷⁶⁹. «...Московское правительство не могло заимствовать из Византии того, что та не имела», – писал Н.П. Лихачев. С другой стороны, историк подчеркивал схожесть иконографического оформления печати 1497 г. с западной сфрагистической традицией. Ее создание он связывал с германским посольством 1489 г. Гипотеза Н.П. Лихачева стала важным шагом в формировании европейской версии происхождения символа⁷⁷⁰, но она появилась в разгар Первой мировой войны, когда отношение к Германии было резко негативным. При-

⁷⁶⁵ [Лукомский В.К.] Орел двуглавый российский // Новый энциклопедический словарь. – Т. 29. – Пг., [1916]. – Стлб. 640.

⁷⁶⁶ Белавенец П.И. Изменение российского государственного герба в императорский период // Вестник Общества ревнителей истории. – Вып. 2. – Пг., 1915. – С. 58.

⁷⁶⁷ [Лукомский В.К.] Орел двуглавый... – Стлб. 640.

⁷⁶⁸ Лихачев Н.П. История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. – 1915. – 15 мая. – № 14843. – С. 5.

⁷⁶⁹ Лихачев Н.П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров // Нумизматический сборник. – Т. 1. – М., 1911. – С. 497, 539.

⁷⁷⁰ А.Л. Хорошкевич писала, что мысль о заимствовании двуглавого орла из Священной Римской империи высказывал в 1896 г. К.М. Попов (Герб и флаг России, X–XX вв. – С. 127; Попов К.М. Чин священного коронования // Богословский вестник. – 1896. – № 5. – С. 177–178). Однако версию о таком авторстве убедительно опроверг В.А. Кучкин, см.: Кучкин В.А. Указ. соч. – С. 22.

знание немецких корней государственного символа России не представлялось возможным политически. В силу этих причин теория не стала предметом обстоятельного обсуждения и распространения не получила.

Византийскую версию поддерживал Ю.В. Арсеньев⁷⁷¹. Анализируя изображения на западных вексиллологических памятниках, он предпринял попытку выяснить начальную семантику двуглавого орла. Геральдист категорически отверг распространенную в XIX в. идею о том, что он символизирует единство Восточной и Западной Римских империй, отметив, что эмблема возникла в Византии не ранее V в., когда распад уже произошел. Взамен Ю.В. Арсеньев предложил считать двуглавого орла выражением «бдительности в защите государства от внешних врагов»⁷⁷².

В 1910-е гг. продолжала расширяться эмпирическая основа исследований, привлекались новые архивные материалы⁷⁷³, нумизматические, сфрагистические и вещественные памятники. На основе изучения монет XVII в. А.В. Орешников уточнил время появления над двуглавым орлом третьей короны⁷⁷⁴.

В конце 1900-х гг. была подвергнута критике позиция А.В. Орешникова о взаимосвязи тверских и московских монет с двуглавым орлом. В.И. Савва указывал, что нет источников, однозначно доказывавших этот факт, и что тверской князь Михаил Борисович мог заимствовать символ и с джучидских монет, и с византийских печатей, и из немецкой эмблематики⁷⁷⁵. Подобное заявление разрушало монополию византийской гипотезы и давало возможность для развития альтернативных толкований, перемещая проблему из категории вполне решенных в разряд требующих дальнейшего анализа.

К началу XX в. сложилась устойчивая модель изучения государственного герба, суть которой заключалась в описании модифи-

⁷⁷¹ Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах... – С. 146, 163.

⁷⁷² Там же. – С. 133.

⁷⁷³ Белавенец П.И. Указ. соч. – С. 58–84.

⁷⁷⁴ Орешников А.В. Прибавление третьей короны на двуглавом орле // Нумизматический сборник. – Т. 1. – [М., 1911]. – С. 483–486.

⁷⁷⁵ Савва В.И. Откуда двуглавый орел на деньгах тверского Великого князя Михаила Борисовича // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе, 1905 г. – Т. 2. – М., 1908. – С. 115–120.

каций иконографического типа в хронологической последовательности, часто – по царствованиям⁷⁷⁶. Причины визуальной эволюции либо не объяснялись, либо связывались, как и в XIX в., с увеличением государственной территории⁷⁷⁷.

Новым стало обсуждение реформ государственной символики середины XIX в. П.И. Белавенец подверг жесткой и во многом справедливой критике изменения, введенные Б.В. Кёне. Исследователь считал, что тот совершенно произвольно, без достаточных исторических оснований трансформировал «русский тип орла» на «прусский лад»⁷⁷⁸, необоснованно добавил щитодержателей в виде архангелов Михаила и Гавриила, нелогично распределил титульные гербы. П.И. Белавенец выступал против изменения оборота московского всадника в правую геральдическую сторону вместо традиционного влево⁷⁷⁹, против новых цветов (черного, желтого и белого вместо белого, синего и красного). Критика претендовала на научную обоснованность, но имела ярко выраженный политический подтекст. Статья П.И. Белавенца появилась в период Первой мировой войны, когда сходство российского государственного герба с германским и использование общих цветов во флагах казались неприемлемыми. «Но что особенно тягостно для нас в настоящее время, так это то, что кокарда [XIX в. О.Н.] была установлена не в честь какого-либо выдающегося, знаменательного, чисто русского события, а в честь торжествования священного союза России с Австрией и Пруссией»⁷⁸⁰, – писал автор.

В геральдической литературе четко отразились катаклизмы 1917 г. После февральских событий появилась идея о том, что двуглавый орел не связан с определенным политическим строем, с династией Романовых. Популярный журнал «Исторический вестник» опубликовал заметку о «гонениях» на государственную символику,

⁷⁷⁶ Бирбаум Ф. Изображения государственного орла от Иоанна III до наших дней // Искусство и жизнь. – 1915. – № 8. – С. 223–224.

⁷⁷⁷ Лукомский В.К. Хранение гербов... – С. 346, 349; [Он же]. Орел двуглавый... – Стлб. 640–641.

⁷⁷⁸ Белавенец П.И. Указ. соч. – С. 12.

⁷⁷⁹ П.И. Белавенец однозначно признавал изображение на московском гербе Святым Георгием, уклонившись от анализа иных вариантов трактовок (Там же. – С. 13).

⁷⁸⁰ Там же. – С. 24.

которые назывались «совершенно неуместными и даже оскорбительными для русского народа»⁷⁸¹.

Из всех разделов геральдического знания именно изучение государственной символики наиболее тесно связано с политической ситуацией. Историография 1910-х гг. отразила эту зависимость весьма недвусмысленно.

Территориальная геральдика в 1910-е гг. изучалась непоследовательно и селективно, она рассматривалась в контексте местной истории, авторами публикаций становились в основном краеведы. Предпринимались редкие попытки ее популяризации путем издания красиво, на европейский манер оформленных календарей⁷⁸². Публиковались акты об утверждении новых гербов⁷⁸³. Однако исследовательские статьи практически отсутствовали, а те, которые появились⁷⁸⁴, касались конкретных территориальных гербов и были выдержаны в традициях позитивистской методологии. В них заметен постоянный интерес к источниковедческим аспектам, а также стремление к достижению точности геральдического знания, которые выразились в исправлении накопленных историографией и гербовой практикой ошибок. М.Б. Краснянский установил⁷⁸⁵, например, что используемый властями города Ростова-на-Дону герб существенно отличается от утвержденного в начале XIX в. Молодой краевед, в дальнейшем доктор исторических наук, М.Г. Худяков до-

⁷⁸¹ О русском государственном гербе и национальном флаге // ИВ. – 1917. – № 5/6. – С. 654–655.

⁷⁸² Российский гербовник-календарь, 1913 г. – М., [1913]; Российский гербовник-календарь на 1914 год. – М., [1914].

⁷⁸³ Определение Правительствующего Сената от 5 июня 1914 г. «Об утверждении герба уездного города Сорок Бессарабской губернии» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – Отд. 1. – 1914. – № 174. – Ст. 1989. – С. 2865–2866; Определение Правительствующего Сената от 30 окт. 1914 г. «Об утверждении гербов губерний Холмской, Черноморской и города Новороссийска» // Там же. – 1915. – № 12. – Ст. 82. – С. 194–195; Определение Правительствующего Сената от 19 февр. 1915 г. «Об утверждении герба города Алексеевска Амурской области» // Там же. – № 97. – Ст. 779. – С. 1169–1170.

⁷⁸⁴ Троицкий П.С. Костромской край: историко-археологический очерк. – Кострома, 1909.

⁷⁸⁵ Краснянский М.Б. Разыскания о гербе гор. Ростова-на-Дону // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. – Т. 1. – Ростов н/Д, 1912. – С. 76–82.

казал ошибочность точки зрения о возникновении вятского герба в 1710 г.⁷⁸⁶, отметив его присутствие на печати 1583 г.

Окончательно был выяснен вопрос о барельефе с изображением Святого Георгия из Успенского собора Московского Кремля. Искусствовед, сотрудник Эрмитажа, академик Я.И. Смирнов⁷⁸⁷ предпринял комплексный анализ этого памятника. Он установил, что изваяние создано русскими мастерами из Великого Устюга на основании западной гравюры и отправлено в Москву в 1678 г. Это разрешало вопрос о месте источника в процессе генезиса московского всадника и лишало сторонников церковной интерпретации символа всех аргументов.

И.А. Тихомиров изучал историю ярославского и ростовского гербов⁷⁸⁸. На основании широкого круга источников, в том числе – впервые в исследовательской практике – этнографических, он объяснял генезис двух территориальных эмблем (медведя и оленя). Основной вывод сводился к тому, что они «явление не случайное и произвольное, а преемственное, один из пережитков, связывающий текущие дни с первыми веками истории Ярославского края»⁷⁸⁹. Автор считал эмблемы геральдическими выражениями древних верований и культов, характерных для региона. Такой подход, несмотря на методическую привлекательность, исходил, по сути, из спорной идеи об исключительной древности русской геральдики. Прямая связь ярославской и ростовской эмблем с тотемами на самом деле недоказуема и вряд ли возможна.

Уровень осмысления территориальной страты геральдического пространства отставал от общегеральдического, концептуальная основа для анализа земельных гербов отсутствовала. Справедливую оценку ситуации дал С.Н. Тройницкий в 1921 г.: «История русских территориальных гербов остается до сих пор совершенно неисследованной»⁷⁹⁰.

⁷⁸⁶ Худяков М.Г. О вятском гербе // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Вып. 1. – Вятка, 1915. – Отд. 5. – С. 111.

⁷⁸⁷ Смирнов Я.И. Устюжское изваяние Святого Георгия Московского Большого Успенского собора. – М., 1915.

⁷⁸⁸ Тихомиров И.А. О некоторых ярославских гербах // Труды Третьего областного историко-археологического съезда. – Владимир, 1909. – [Отд. 24]. – С. 1–79.

⁷⁸⁹ Там же. – С. 59.

⁷⁹⁰ Тройницкий С.Н. О гербе смоленском // Известия Российской академии истории материальной культуры. – Т. 1. – [Пг.], 1921. – С. 345.

Преобладающим направлением в научной геральдике 1910-х гг. было изучение родовых гербов. Многие из уже упоминавшихся публикаций источников и справочников тематически касались именно этой страты геральдического пространства. Приоритет определялся несколькими факторами. Наиболее существенным из них являлись источниковедческие обстоятельства. По сравнению с другими группами гербов родовые многочисленнее, разнообразнее семантически и иконографически, лучше обеспечены источниками для анализа, шире распространены в социуме, вариативны. Следовательно, в источниковедческом отношении они предоставляли больше возможностей, чем, например, территориальные, которых не только меньше количественно, но и семантика которых часто уже разъяснялась в законодательных актах и не могла выступать в качестве исследовательской проблемы. Следует учитывать также стимулирующее влияние генеалогии, если и не требовавшей прямо изучения родовых гербов, но создававшей предпосылки для формирования познавательного приоритета. Изучение родовых гербов представляло прагматический интерес для музееведения, искусствоведения, сфрагистики и других дисциплин. Таким образом, тематическая диспропорция детерминировалась особенностями стратификации и социальной онтологии российского геральдического пространства.

Изучение пространства родовой геральдики также было неравномерным, существовали внутренние приоритеты. Предпочтение отдавалось титулованным, аристократическим родам⁷⁹¹. Княжеские, графские и баронские гербы воспринимались как наиболее интересная и достойная анализа часть геральдического пространства. Как считалось, история высших слоев дворянства, частью которой являются гербы, представляет для познания общеисторических проблем особый интерес. С другой стороны, именно в таких семьях геральдике уделялось больше внимания, чем в дворянском сословии в целом, неоднократно критиковавшемся геральдистами за безразличное отношение к гербам⁷⁹².

⁷⁹¹ Об этом свидетельствует статистика публикаций в специализированном журнале «Гербовед». Княжеским, графским, баронским родам в нем посвящено 26 отдельных публикаций (15 – в 1913 г., 11 – в 1914 г.), а нетитулованному дворянству – всего 12 (6 – в 1913 г., 6 – в 1914 г.).

⁷⁹² Рудаков В.Е. [Рецензия] // ИВ. – 1910. – № 8. – С. 659; Белинский В.Е. Наше дворянство и равнодушие его к отечественной генеалогии и гербоведению // Санкт-Петербургские ведомости. – 1912. – № 56. – С. 2.

Методических различий при изучении гербов дворянских и титулованных родов не было, но в работах о последних заметны стремление к полноте информации и аналитический компонент. Например, В.К. Лукомский, приводя список лиц, пожалованных гербами⁷⁹³, дал подробные описания только гербам графа И.В. Васильчикова, графа А.П. Торماسова, князя И. Мустафина.

Центром изучения родовой геральдики стал журнал «Гербовед»⁷⁹⁴, выпускавшийся в 1913–1914 гг. С.Н. Тройницким⁷⁹⁵. В нем сотрудничали В.К. Лукомский, Б.Л. Модзалевский, С.В. Любимов, барон А.Е. Фелькерзам, барон М.А. Таубе. Издание выполняло несколько важнейших функций: познавательную, эвристическую, археографическую, библиографическую, справочно-информационную и популяризаторскую. Благодаря журналу была изучена история нескольких десятков родовых гербов: установлено время их возникновения, выяснены источники, прослежены генезис и эволюция. Впервые в отечественной историографии в одном месте концентрировались альтернативные по методическим подходам и целям исследования. Вариативность давала полное представление о методическом спектре, проблематике и источниковедческой специфике научной геральдики. «Гербовед» способствовал информационному наполнению и совершенствованию методики дисциплинарных изысканий. В методологическом отношении большинство публикаций «Гербоведа» принадлежало к позитивистскому направлению, но через издание получали развитие и иные подходы к геральдическому материалу, в частности – структуралистские.

В статьях В.К. Лукомского и С.Н. Тройницкого герб воспринимался как некоторая структура, при замене элементов которой образуются гербы новых родов. В работах С.Н. Тройницкого о гербах группы семей общего происхождения, содержащих единую эмбле-

⁷⁹³ Лукомский В.К. Дополнительный список лицам... – С. 201–204.

⁷⁹⁴ Подробнее о журнале см.: Наумов О.Н. «Гербовед» 1913–1914 гг.: указатель содержания // Гербовед. – 1997. – № 24. – С. 109–111; Он же. Журнал «Гербовед» и русская геральдическая наука // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 3–15.

⁷⁹⁵ Издание «Гербоведа» было не первой попыткой С.Н. Тройницкого выпускать периодическое издание, касающееся геральдики. В 1909 г. он основал серию сборников под общим названием «Notituncula heraldica» и выпустил в ней две работы: Тройницкий С.Н. О гербах Ечилинов, королей венгерских Анжуйского Дома и герцогов бургундских второй линии. – СПб., 1909; Он же. Гербовые девизы... – СПб., 1910.

му (для потомков Гланды Камбилы – корону с двумя крестами под ней, для потомков Индриса – крылатый ключ)⁷⁹⁶, анализировался механизм дополнения инвариантного иконографического ядра различными символами. Выделенная совокупность гербов понималась как исследовательское мини-пространство.

В журнале было напечатано несколько справочных материалов, введших в научный оборот новые, неизвестные гербы или их варианты. Целенаправленный характер приобрела публикация геральдических источников, всего более 130 документов XVIII – начала XIX в. из архивов Герольдмейстерской конторы, Департамента Герольдии и Московского дворянского собрания. Это была первая массовая публикация источников, обозначившая окончательное конституирование геральдической археологии.

Издатели журнала заботились о распространении знаний о дисциплине. Связь с читательской аудиторией выражалась многообразно: в попытках организовать собрание оттисков гербовых печатей, в ответах на поступающие вопросы (преимущественно о принадлежности изображений). В «Гербовед» неуклонно проводилась идея о важности и перспективности изучения гербов, их неразрывной связи с русской культурой и искусством. Журнал способствовал ознакомлению специалистов и любителей прошлого с конкретными фактами из истории национального герботворчества, с особенностями изучения, интерпретации и использования гербового материала. «Гербовед» подвел своеобразные итоги развитию научной геральдики к середине 1910-х гг. Он продемонстрировал адекватную времени и ситуации в исторической науке универсальную модель геральдического познания.

Прекращение издания журнала было вызвано условиями военного времени, когда исторические исследования в России переживали период стагнации. Объективные трудности совпали с причинами субъективного порядка. В ноябре 1915 г. С.Н. Тройницкий писал известному генеалогу Н.П. Чулкову: «Болезнь моя заставила меня прекратить на долгое время работы и отложить издание «Гербовед»...»⁷⁹⁷.

⁷⁹⁶ Тройницкий С.Н. Гербы потомства Гланды Камбилы // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 19–28; *Он же*. Гербы потомства Индриса // Там же. – С. 88–94.

⁷⁹⁷ ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 282. – Л. 5 об.

Важное место в научной геральдике 1910-х гг. заняла дискуссия о гербе Романовых, возникшая в связи с празднованием 300-летия династии. В ней приняли участие В.К. Лукомский⁷⁹⁸, князь М.С. Путятин⁷⁹⁹, барон М.А. Таубе, С.Н. Тройницкий⁸⁰⁰. В центре обсуждения находился вопрос о происхождении основной эмблемы Романовых – грифона. Проблема состояла в том, что он встречался на предметах, принадлежавших членам рода еще с XVI в. Следовательно, его можно было трактовать как наследственную эмблему, а это, в свою очередь, позволяло иначе определить хронологию генезиса русской геральдики, удревнив ее. Наиболее убедительной в ходе дискуссии выглядела гипотеза барона М.А. Таубе, основанная на блестящем знании немецкой литературы, источников и хорошо аргументированных сопоставлениях. Суть ее сводилась к тому, что «геральдическая фигура грифа была усвоена [...] Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым в качестве личной эмблемы в воспоминание его лифляндских походов и, в частности, взятия им Пернова в 1575 году»⁸⁰¹. Как и терминологическая дискуссия, полемика о генезисе герба Романовых осталась незавершенной из-за сложностей военного времени, но свидетельствовала о научной зрелости русского гербоведения.

Геральдический компонент продолжал занимать большое место в генеалогических исследованиях, количество которых в 1910-е гг. заметно возросло. Как правило, в предисловиях к поколенным росписям воспроизводились описания и рисунки из «Общего гербовника». Активно привлекались гербы из его неопубликованных томов и, гораздо реже, из «Сборника дипломных гербов»⁸⁰². В качестве приложе-

⁷⁹⁸ Лукомский В.К. Герб рода Романовых. – С. 109–113; *Он же*. Происхождение эмблем герба Дома Романовых // Вестник Общества ревнителей истории. – Вып. 1. – Пг., 1914. – С. 229–230.

⁷⁹⁹ Летописный и лицевой изборник Дома Романовых. – Вып. 1. – М., [1913]. – С. 122–123.

⁸⁰⁰ Тройницкий С.Н. Герб Дома Романовых на предметах, хранящихся в Московской Оружейной палате // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 37–38.

⁸⁰¹ Таубе М.А. бар. К истории герба Дома Романовых // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 127.

⁸⁰² Лукомский В.К. Гербоведение и герб. – С. 160; Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Указ. соч. – С. 4, 22, 25, 32, 45, 51, 68, 73, 86, 143, 100, 105, 118, 132, 134, 143, 151, 152, 157, 183, 184, 191.

ний могли воспроизводиться геральдические источники⁸⁰³. Одновременно в справочниках, посвященных местным корпорациям элиты и основанных на материалах архивов губернских дворянских собраний, упоминания о гербах даже самых известных родов могли отсутствовать. Это указывает на определенную недооценку геральдического компонента в контексте истории дворянства.

Информация о гербах в генеалогических исследованиях использовалась разнообразно. Часто она ограничивалась только упоминанием об их существовании, но могла выступить также как аргумент при уточнении спорных моментов истории рода. Ю.В. Арсеньев, например, на основании сходства гербов дворян Масловых и польского рода Масловских высказал предположение об их происхождении от одного родоначальника⁸⁰⁴. Однако идея об общности гербов могла интерпретироваться не вполне корректно. В.П. Лапчинский, исправляя ошибочную версию о происхождении смоленского рода Лыкошиных от князей Лыковых, в качестве одного из основных аргументов указывал на то, что в случае действительного родства в гербе последних находилась бы черниговская эмблема (одноглавый орел с крестом в лапе)⁸⁰⁵. Лыкошины также должны были ее использовать, но в их гербе подобные эмблемы отсутствуют. На самом деле, князья Лыковы утасли еще в XVII в., до периода массового распространения гербов у русского дворянства, и предположения об их гербе исключительно гипотетичны и неубедительны.

Уровень синтеза генеалогической и геральдической информации достиг в 1910-е гг. высокой степени. История конкретного герба могла излагаться в тесной связи с историей семьи, что существенно расширяло возможности анализа. Весьма показательным в подобном отношении неопубликованная из-за событий 1917 г. статья В.К. Лукомского о гербе Злобиных⁸⁰⁶, к которой даже прилагалась поколенная роспись, помогавшая лучше понять геральдический материал.

⁸⁰³ Сиверс А.А. Родословие Озеровых // ИРГО. – 1911. – Вып. 4. – С. 204–208; Лукомский В.К. Родословие дворян Митусовых. – С. 14–18.

⁸⁰⁴ Арсеньев Ю.В. Новые данные о роде Масловых // ЛИРО. – 1912. – Вып. 2. – С. 43. В современной литературе эта версия не признается (Дворянский календарь. – Вып. 11. – СПб., 2003. – С. 90).

⁸⁰⁵ Лапчинский В.П. Некоторые данные о роде Лыкошиных // Смоленская старина. – Вып. 3. – Ч. 2. – Смоленск, 1916. – С. 2.

⁸⁰⁶ Наумов О.Н. Неизвестная статья В.К. Лукомского о роде и гербе Злобиных. – С. 150–160. Рукопись см.: РГИА. – Ф. 986. – Д. 36. – Л. 7–12.

В историографии получил распространение тезис о визуальном несовершенстве русских родовых гербов. Указывалось, что многие из них не соответствуют правилам формальной геральдики. В.Е. Белинский излишне категорично полагал, что «почти все гербы» «Общего гербовника» «грешат неправильностями»⁸⁰⁷ и приводил в пример герб Голенищевых-Кутузовых, в котором нарушено правило сочетания цветов, и черный орел помещен на голубом поле. Критиковалась герботворческая деятельность государственных учреждений. Наметилось даже противопоставление гербов самобытных, складывавшихся в дворянских семьях, и гербов, сочиненных в Герольдии, «канцелярских». Между ними проводилась источниковедческая граница, за гербами первой группы, как более ценными источниками, признавался приоритет.

Негативно оценивались модификации, которым подвергались гербы при внесении в «Общий гербовник». В.К. Лукомский, сам возглавлявший Гербовое отделение, писал по поводу герба Савеловых, что «нельзя, однако, не высказать сожаления», что при его утверждении «были допущены изменения, еще более затруднившие возможность разобраться в символах»⁸⁰⁸. Л.М. Савелов считал, что Департамент Герольдии должен больше внимания уделять публикаторской деятельности⁸⁰⁹. Особенно резкой стала критика этого учреждения после февраля 1917 г.⁸¹⁰.

В 1910-е гг. возникло стремление преодолеть элитарность, словесную ограниченность геральдического знания, чего можно было добиться, сделав сведения о гербах более доступными и для ученых, и для общества. Статьи по геральдике регулярно появлялись в популярных журналах и газетах, практически любая крупная работа вызывала рецензии в исторических и художественных изданиях.

⁸⁰⁷ Белинский В.Е. Геральдика и генеалогия героев Отечественной войны. Фельдмаршал граф М.И. Голенищев-Кутузов, светлейший князь Смоленский // *Природа и люди*. – 1912. – № 46. – С. 726. См. также: *Он же*. Древние и новейшие девизы. – С. 16.

⁸⁰⁸ Лукомский В.К. Несколько слов о гербе дворян Савеловых // *Сборник статей, посвященных Л.М. Савелову*. – М., 1915. – С. 20–21.

⁸⁰⁹ В рецензии на «Гербовник А.Т. Князева» Л.М. Савелов подчеркивал, что издание этого ценного памятника должно было стать «делом того учреждения, которое ведет наши генеалогические и геральдические вопросы» (*Савелов Л.М. [Рецензия] // ЛИРО*. – 1914. – Вып. 1/2. – С. 62).

⁸¹⁰ Белинский В.Е. Род и герб князей Васильчиковых. – С. 304–305.

В.К. Лукомский писал, что «каждое новое издание», посвященное геральдике, «должно быть отмечено»⁸¹¹. Много для популяризации геральдики сделал В.Е. Белинский, выступивший с серией очерков о генеалогии и геральдике дворянских родов, о реформировании государственной символики⁸¹². Причем для изучения он выбирал семьи, к которым принадлежали известные политические деятели начала XX в., и это придавало статьям дополнительную актуальность. Часть геральдических публикаций⁸¹³ была связана с юбилеями: 75-летием со дня смерти А.С. Пушкина, 100-летием Отечественной войны 1812 г., 300-летием правления Романовых и т. п.

Необходимость популяризации геральдики понималась вполне однозначно. Однако считалось, что этого достойны только лучшие образцы геральдического искусства и тщательно выверенные научные правила, а официальное русское герботворчество, полное несуразностей и ошибок, «все произвольные нововведения в гербах и лжеученые ереси официальных герольдмейстеров и геральдистов» следует подвергнуть «компетентной критике и общественному осмеянию»⁸¹⁴.

Познавательная роль родовых гербов в 1910-х гг. существенно возросла, их изучение стало резервом расширения эмпирического пространства, стимулировало развитие методического инструментария, способствовало стратификации дисциплины.

Анализ родовых гербов определялся состоянием всего русско-гербоведения. Методы исследования (сравнительный, эволюционный, герменевтический, источниковедческий), выработанные при их изучении, экстраполировались на все страты геральдиче-

⁸¹¹ Лукомский В.К. [Рецензия] // ИВ. – 1910. – № 5. – С. 717.

⁸¹² Белинский В.Е. По поводу задуманного искажения государственного герба и проекта помещения золотого двуглавого государственного орла на серебре // Биржевые ведомости. – 1914. – 9 дек. – № 14545. – С. 5; Он же. Герб Коковцовых // Огонек. – 1911. – № 40; Он же. Графы Воронцовы-Дашковы // Биржевые ведомости. – 1916. – 17 янв. – № 15329; Он же. Дворяне Брусиловы и их герб // Петроградская газета. – 1916. – 30 мая. – № 147; Он же. Дворяне Родзянко // Там же. – 12 февр. – № 42; Он же. Герб Лермонтовых // Новое время. – 1916. – 16 июля. – № 14497 и др.

⁸¹³ Белинский В.Е. Геральдика и генеалогия героев Отечественной войны. Император Александр I Благословенный // Природа и люди. – 1912. – № 36. – С. 560–563; Он же. Геральдика и генеалогия героев Отечественной войны. Наполеон I Бонапарт // Там же. – № 40. – С. 617–621 и др.

⁸¹⁴ Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. – Вып. 1. – С. 55.

ского пространства. Важнейшей исследовательской проблемой стала герменевтика, и истолкование эмблем составляло основную задачу большинства публикаций.

В 1910-е гг. продолжалась пространственная идентификация русской геральдики. Она выражалась не только в формальных экскурсах, но и через интерес к зарубежным гербам. Их целью было установление аргументированного соотношения русской и европейской традиций, выявление общих и особенных характеристик геральдического опыта.

Особенно ярко такая тенденция проявилась в материалах Особого совещания для выяснения вопроса о русских национальных цветах, созданного в 1910 г. при Министерстве юстиции для упорядочения вексиллологической системы Российской империи. В работе совещания принимали участие крупнейшие специалисты: Ю.В. Арсеньев, П.И. Белавенец, Н.П. Лихачев, благодаря которым преобладал научный подход, предполагавший глубокий и всесторонний анализ знаковой культуры Запада. По европейским странам были разсланы запросы о государственных гербах и флагах, а полученные ответы (выписки из законов, справки, научные труды)⁸¹⁵ опубликованы. Они стали ценным вкладом в отечественную историографию и способствовали компаративному изучению западной государственной символики. Выявив многие общие тенденции и характеристики, материалы подтвердили тезис Ю.В. Арсеньева и других исследователей о единстве геральдического пространства Европы. Немаловажным был тот факт, что итоги фактически научной работы предназначались для решения практических проблем и действительно частично использовались в рекомендациях совещания, наметив реальную интеграцию научных изысканий и геральдической практики.

Приоритетными разделами при изучении иностранного опыта стали формальные аспекты и родовая геральдика⁸¹⁶. В 1910-е гг.

⁸¹⁵ Высочайше учрежденное при Министерстве юстиции Особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах: материалы. – Ч. 3. – СПб., 1911. – Ч. 1–4; Справка по содержанию доставленных материалов, заключающих сведения о гербе, государственных и национальных цветах и кокардах в западноевропейских государствах. – Б. м. и г.

⁸¹⁶ *Тройницкий С.Н.* О гербах Ечилинов...; *Белинский В.Е.* Сверхъестественные геральдические существа... – С. 12–13; *Он же.* Геральдика и генеалогия героев От-

отсутствовал проявившийся в XIX в. особый интерес к польским гербам, хотя было издано несколько справочных работ по родовым символам⁸¹⁷, в которых традиционно подчеркивалась их интеграция в российское геральдическое пространство. Польскую проблематику отчасти заменил анализ украинского опыта, интересного тем, что оно сочетало черты польского и русского влияний. Некоторые авторы подчеркивали самобытность украинской практики⁸¹⁸. В 1913 г. был издан первый в России справочник по зарубежной государственной символике⁸¹⁹, положивший начало эвристическим работам в данной области.

В 1910-х гг. изменилось само отношение к западноевропейскому гербоведению. Если раньше оно мыслилось преимущественно как источник заимствования, то теперь выступало в качестве объекта сравнения и образца познавательной деятельности. Противопоставлялось отношение к геральдике в Европе, где гербы уже стали предметом научного анализа, и в России, где они оставались вне сферы целенаправленных исследований и общественного интереса.

Выдвигался своеобразный критерий оценки гербов. Лучшим, по мнению В.Е. Белинского, есть то, что «стильно»⁸²⁰. Стильность заключалась не только в применении всех правил геральдики, но и в художественном уровне самого изображения. В таком контексте «стильными» оказывались древние европейские гербы. Аналогичной позиции придерживались В.К. Лукомский и Ю.В. Арсеньев⁸²¹. Однако опыт зарубежной геральдики представлялся приемлемым только в той степени, в какой его изучение могло принести пользу для русской науки. Безоговорочным приоритетом оставалось научное познание и осмысление национальных традиций России.

ественной войны. Наполеон I Бонапарт; *Он же*. Древние и новейшие девизы. – С. 13–16.

⁸¹⁷ Гербы третьей части...; *Лукомский В.К.* Список родам Царства Польского, признанным в дворянском достоинстве с гербами...; *Лукомский В.К., Троицкий С.Н.* Указатели к Высочайше утвержденным... – С. 123–151; *Лукомский В.К.* Неутвержденные гербы титулованных родов...

⁸¹⁸ Украина. – 1914. – № 4. – С. 81.

⁸¹⁹ *Елизаров Н.С.* Альбом государей, президентов, гербов, флагов государств. – М., 1913.

⁸²⁰ Там же; *Белинский В.Е.* Древние и новейшие девизы. – С. 16.

⁸²¹ *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. – С. 18, 102; *Лукомский В.К., Титов Н.А.* бар. Указ. соч. – С. 23–24.

В 1910-е гг. началось изучение иностранных источников по геральдике, находящихся в музейных собраниях России. В.Е. Белинский изучал гербы (преимущественно родовые) на швейцарских витражах XVI–XVII вв. из собрания Эрмитажа⁸²². Он описал 53 стекла, которые украшали окна первого этажа Старого Эрмитажа, а ранее находились в Царскосельском арсенале, и предполагал продолжать эту работу, но Первая мировая война помешала реализовать план.

Зарубежные гербы продолжали оставаться индикатором политических событий и международных отношений. В годы Первой мировой войны публиковались статьи, в которых при помощи геральдических данных дискредитировался противник⁸²³ или, наоборот, подчеркивались союзнические связи с государствами⁸²⁴. Падение самодержавия дало возможность В.Е. Белинскому напечатать статью о гербах стран Южной Америки⁸²⁵. В ней анализировались формальные особенности республиканских государственных эмблем: многочисленность внешних элементов, замена нашлемников «парящими» фигурами, упразднение щита, использование символов свободы (фригийского колпака). Автор, скорее всего, надеялся, что подобный опыт может быть использован при создании символики республиканской России.

Зарубежная геральдика традиционно не занимала существенного места в отечественной историографии, но по сравнению со второй половиной XIX в. исследователи стали обращаться к подобным сюжетам чаще.

В первой половине 1910-х гг. гербоведение в России переживало период подъема. Доминантной тенденцией являлось формирование его научных основ. Было достигнуто понимание геральдического исследования как части процесса познания прошлого, утвердилась источниковедческая концепция, определившая приоритетные направления и основное содержание исследовательского про-

⁸²² *Belinsky W. de Les vitraux armories suisses du Musée l'Ermitage à St.-Péterbourg.* – СПб., 1913; см. также: Санкт-Петербургские ведомости. – 1913. – № 21139.

⁸²³ Подчеркивались, например, скрывавшиеся от широкой общественности родственные связи германского императора Вильгельма II. См.: *Белинский В.Е.* Невестка Вильгельма II // Биржевые ведомости. – 1915. – 16 июля. – № 14968.

⁸²⁴ *Белинский В.Е.* Из области геральдики и генеалогии. 1. Великобританский герб...

⁸²⁵ *Белинский В.Е.* Эмблемы экзотических стран // Столица и усадьба. – 1917. – № 80. – С. 14–15.

цесса. Несмотря на то, что методологической базой дисциплины оставался позитивизм, в его рамках развивались альтернативные познавательные подходы – структуралистский и феноменологический, осознававшие герб как сложное, уникальное явление культуры. В 1910-е гг. была преодолена дискретность геральдического знания, изыскания приобрели регулярный, планомерный характер. Большинство из работ ориентировалось на решение источниковедческих задач. Сформировалась модель исследования – междисциплинарного, комплексного, опирающегося на совокупность многократно опробованных методических приемов.

Количественный рост работ, посвященных конкретным сюжетам, детерминировал дальнейшую тематическую дифференциацию исследовательского пространства, конституирование новых разделов. Одновременно усилилась диспропорция между степенью развития различных направлений.

В 1910-е гг. отечественная научная геральдика значительно продвинулась в отношении самоидентификации, вполне четко осознавались границы познавательной деятельности и ее взаимодействие с другими областями знания. Окончательно изменился социальный аспект онтологии дисциплины, утвердилось представление о том, что герб – предмет научного анализа, а не бесполезная забава дворянства.

В годы Первой мировой войны начались регрессивные изменения, вызванные исключительно трудностями военного времени: снизилось количество публикаций, возникли финансовые проблемы при осуществлении проектов и т. д. Все они были трансцендентны и не касались достигнутого познавательного уровня.

К 1917 г. русская геральдика являлось вполне сформировавшейся научной дисциплиной, перед которой открывались блестящие перспективы и широкие возможности познания, оставшиеся нереализованными из-за политических катаклизмов.

Юрий Васильевич Арсеньев (1857–1919)